

Ю.Геллер

**Все, что здесь написано, чистая фантазия и придумано мной.
Нет даже обычных имен и названий. Аналогия - дело самого читателя.**

"Когда в борьбе интересов и лозунгов истине грозит опасность также подвергнуться обесценению, извращению и насилию, как и личности, как языку, как искусству, как всему органическому или искусственно взращённому, наш единственный долг - противостоять этому и спасти истину, вернее, стремление к истине, как наивысший символ веры."

Герман Гессе. "Игра в бисер".

**ГДЕ МЕСТО РАЗУМА?
(Иов, 28, 12)**

Часть первая

"В НАЧАЛЕ..." (Быт.,1.1)
Габрал Младший.

1. "Кто я?..." (2 Царств., 7,18)

Меня зовут Габрал. Я - космонавт-исследователь. Лорянин. Родился и вырос на Лоре, планете Галактики 1-ДС. И специальностей у меня много. Могу пилотировать космический корабль, могу быть инженером, врачом. Фундаментально изучал историю и психологию, особенно историю Науки. Но главная моя специальность - астрогатор и спасатель. Над этими проблемами я работаю и буду работать в экспедициях.

После завершения учебы до последнего времени я работал в колоссальном научном центре на спутнике Лоры. Видимо, я сумел проявить себя, и меня ждало новое назначение.

Мы занимались изучением Вселенной. Наши далекие предки, когда-то робко отрывавшиеся от своих планет, а затем изучившие свои Галактики и установившие контакт с другими, заложили ЗНАНИЕ, которое к моему времени было солидным. Уже пятнадцать веков назад был создан Межгалактический Совет (сегодня его общепринятое название МС-Центр). Он находится в одной из безжизненных Централных Галактик на планете, которую выбрали по классу Звезды и оборудовали под Мировой Штаб. Планета обладала почти годной для дыхания атмосферой и почти годным климатом. Кроме того, она привлекала еще и тем, что в ее недрах были целые анфилады огромных пещер, тянувшихся на десятки километров.

На оборудование МС-Центра затратили целый век. На огромных территориях создали новые почвы, посадили леса, растения. С трудом, но добились нужных параметров биосферы, построили здания и сооружения, проложили транспортные магистрали.

В недрах планеты начал создаваться Главный Мозг Вселенной - "**Аххав**". Полтора тысячелетия назад он строился в основном на полупроводниках. Сегодня это огромный пещерный город, построенный на достижениях современной кибернетики, бионики и многих других наук. Там работают только киберы, и людям туда хода нет. Даже сотрудникам специальной службы охраны, подчиняющейся только самому "Аххаву". Мало того, никто, даже члены Межгалактического Совета, не знают, в каком месте планеты "Аххав" сейчас находится. Хотя никаких войн и диверсий уже тысячу лет нет, Совет считает эти предосторожности не лишними.

Все новейшие достижения науки и техники "Аххав" знает, причем значительное количество идей исходит от него самого. Он совершенствует себя сам, требуя только сырьевые материалы, которые передаются киберам внутренней охраны. Я читал предположения древних фантастов о чудовищных проделках Сверхмозга. Сегодня они вызывают только улыбку. За полтора тысячелетия "Аххав" ни разу не подвел человечество.

В самом МС-Центре постоянно находятся по 50 - 100 представителей от каждой цивилизации со своими семьями, так что народу там хватает. Я там никогда не был, но много раз видел этот колоссальный космический научный и административный центр на визорах и пленках.

Примерно двадцать пять веков назад на некоторых разумных планетах были созданы примитивные устройства, позволявшие выйти в межпланетное пространство и обследовать планеты-спутники. На этих устройствах еще нельзя было полностью исследовать даже систему своего светила, но первый шаг был сделан. Я горд, что моя родная планета Лора была одной из первых, создавших такие устройства.

Через пять веков великий ученый моей планеты Кар обосновал свои знаменитые **Принципы**, произведшие революцию в естествознании. Основываясь на **Принкарах** (так стали называть открытия Кара), на Лоре начали создавать межпланетные корабли, имеющие возможность сравнительно быстро покрывать огромные космические расстояния. Они еще не могли полностью обследовать свою Галактику, не говоря уже о возможности ее покинуть - нехватало скорости и срока жизни космонавтов. Прошло два века, и еще один великий ученый моей планеты - Эсклиб - развил Принкары и нашел возможность искусственно вводить космонавтов в состояние анабиоза.

Мы первыми начали создавать субпространственные корабли, обследовали свою Галактику и, установив, что мы в ней единственные разумные, начали исследование соседних.

Нам повезло. Нашим соседом оказалась Галактика 2-ДС, и приборы наших разведчиков быстро обнаружили разумную планету. Аборигены именовали её Ард. Наши предки оказались мужественными людьми, особенно древние ардяне. Не имея субпространственных кораблей, они

решились и пошли на союз с инопланетянами, добраться до которых никогда бы не смогли. С другой стороны, люди моей планеты решились и передали ардянам усовершенствованные Принкары.

Так было положено начало **Объединённых Галактик**. Тогда же начал создаваться их **Реестр**. Число в нем означает порядок исследования Галактики, а буквы указывают, есть или нет в Галактике разумная жизнь. Это - первые буквы древних слов: "ДС" - Разум есть, "КД" - Разум отсутствует.

Жизнь и Разум существовали в том облаке плазмы, из которого образовалась Галактика, в той газопылевой туманности, из которой миллиарды лет спустя будут образованы центральное светило и планеты отдельной системы. Причем, если Жизнь и Разум были заложены в плазму, возникала обязательно плоская спиральная Галактика, в одном из окраинных рукавов которой формировалась звезда нужного класса, планеты и их орбиты, и уникальные орбита и планета-носитель Разума.

Планеты Разума - все двойные. Спутник всегда меньше и безжизнен, но для развития планеты, Жизни и Разума на ней, необходим. Какой механизм Природы действует в этом случае, мы тоже еще не знаем. Обязательно нужно сказать, что плоская спиральная Галактика не обязательно имеет планету Разума. Большинство из них, десятки тысяч, тоже относятся к классу КД.

Сначала нумеровались все вновь открытые Галактики. Потом было принято решение нумеровать только те, где существовали планеты Разума, т.е. плоские спиральные Галактики класса ДС. Их немногим более десяти тысяч. После исследования Галактики номер присваивался МС-Центром.

Еще до создания Межгалактического Совета величайший психолог и математик с планеты Ард Галактики 2-ДС Ламброс открыл математический способ определения уровня интеллекта любого разумного существа и разумного сообщества. Определялся он по десятибалльной системе и позже, разработанный и усовершенствованный, был внесен в специальные устройства компьютеров, которые находились у каждого космонавта-исследователя. Уровень интеллекта - "К" - позволял определить формы контакта с любой вновь открытой цивилизацией. Открытие Ламброса серьезно содействовало образованию Объединенных Галактик.

"К" - не является величиной постоянной. Он пересматривается специальным компьютером каждой планеты через определенные промежутки времени или в связи с какими-либо событиями в жизни отдельного человека - окончанием учебного заведения, сделанным им открытием или новым назначением. Иногда "К" присваивается МС-Центром. Такое происходит очень редко и за какие-нибудь общепризнанные заслуги, а потому особенно почетно.

У самого Ламброса «К» равнялся 10. Это - редкость. У большинства разумных «К» = 4-6, у выдающихся - 6-8. Есть средний общий показатель разумного мира (планеты), есть средние общие показатели различных народов, его населяющих. У всех разумных Миров и их народов, входящих в Объединенные Галактики, средний «К» = 4-6. Впрочем, других разумов мы не знаем.

Ардяне быстро создали субпространственные корабли, а мы обогатились открытием Ламброса. В МС-Центре по единогласному решению представителей Разумной Вселенной стоят три статуи - Кара, Ламброса и Эсклиба. Кроме них пока разумное человечество никому памятника не поставило. Они стоят две тысячи лет, и у их подножия всегда живые цветы.

За последующие века была обследована практически вся видимая нами Вселенная и обнаружены тысячи разумных планет. Если несколько десятков веков назад Галактики не нужно было искать - они были видны и их предстояло исследовать, то с течением времени видимых (даже в специальные астрономические устройства) Галактик становилось все меньше и меньше. А в последние два века открытие Новой Галактики, особенно плоской спиральной, считалось космической сенсацией, хотя все эти вновь открытые Галактики были КД-класса, т.е. безжизненные.

Контакты с разумными планетами устанавливались не сразу. Представители Лоры и Арда еще перед созданием МС-Центра выдвинули и утвердили **нерушимые принципы** добровольности и невмешательства в жизнь других разумных планет.

Так и было, пока дело не дошло до бесконечной войны на планете Куини Галактики 816-ДС. Войну развязали режимы тоталитарных диктатур некоторых стран планеты. Поскольку никаким оружием, кроме оружия, основанного на действиях механического контакта или химического взрыва,

куинийцы не владели, война тянулась долгие годы и грозила окончиться истреблением большинства людей. Разрушались и культурные ценности куинийцев.

Разбирая ситуацию, Общий Штаб (МС-Центра еще не было) Объединённых Галактик, находившийся тогда на спутнике Лоры, на том самом, на котором много веков спустя я проходил практику и работал, принял решение помочь и помог куинийцам прекратить войну.

Уже с того времени разумное человечество поняло, что любой режим тоталитарной диктатуры, как бы он себя не называл (обычно они именуют себя высшей формой демократии), к чему бы не стремился, какими бы благородными целями не прикрывался, все равно является врагом своего народа и всего человечества в целом.

Такая ситуация и такие режимы, как на Куини, встречались еще неоднократно. Тем не менее военное вмешательство, опять же как на Куини, не допускалось. Режимы дискредитировались в глазах своих народов и, поскольку они держались исключительно на лжи, клевете и колоссальной дезинформации, подкрепленной силами тайной полиции, их разрушала обыкновенная **правда**. Руководители тоталитарных режимов не могли помешать разведчикам Объединённых Галактик, о существовании которых они и не подозревали, распространять и демонстрировать правду.. Правду встречали истошными воплями о клевете и подрыве, но в конце концов капитулировали, и режимы рассыпались. Вскоре планета входила в состав Объединённых Галактик..

На спутниках разумных планет создавались Межгалактические Станции (МС). Связь между ними осуществляли субпространственные ретрансляторы и такие же корабли. Сотрудники МС готовились и назначались администрацией своих планет и утверждались Общим Штабом. Утверждение было чисто формальным актом, и очень редко, в каких-то особых случаях, представление не утверждалось. Если администрация планеты настаивала на своем решении, ее доводы обычно принимались и назначение утверждалось.

На МС в основном работали специалисты со своей планеты, но могли быть и инопланетяне. Права у всех были равными, а обязанности определялись соответствующими документами и уставами. В состав МС входил и научный центр, в котором я работал. Принцип комплектования МС действовал и при формировании космических экспедиций, обсерваторий и других мероприятий, за исключением околопланетного пространства. Там действовала своя администрация.

Как я уже говорил, пятнадцать веков назад был создан МС-Центр. С его создания ведется отсчет времени во всех разумных мирах. Это - нулевой год. Все, что было до основания МС-Центра, считается Древней Эрой. Все, что после, - Новой Эрой. Однако периоды обращения разумных планет вокруг своих светил, хотя и незначительно, но различались. За пятнадцать веков накопилась разница в три-четыре декады. Эталоном был год МС-Центра, а для остальных планет ученые составили на тысячу лет вперед сравнительные переводные таблицы.

Века, прошедшие до нашего времени, вносили много нового в техническое и духовное развитие людей. Некоторые проблемы и направления жизни в корне пересматривались и менялись. Но главное осталось - союз и сотрудничество разумных.

Мы знаем, что Разум во Вселенной - явление чрезвычайно редкое. Из нескольких миллионов Галактик нашей Вселенной он существует только в десяти с небольшим тысячах. По одной планете Разума на свою Галактику. Остальные Галактики, а таких подавляющее большинство, безжизненны. Тем не менее мы уже давно поняли, что Жизнь и Живое не могут возникнуть из Нежизни и Неживого. Как и тысячи лет назад, Наука сегодня не может точно ответить на Главные Вопросы - Как, Почему, Каким образом все началось? Закон Природы, в котором мы не сомневаемся, гласит: "Все, что имело Начало, обязательно имеет Конец!" Было ли начало и будет ли конец Мира? На эти вопросы Наука сегодня отвечает так: Жизнь и Разум - это форма существования Материи, что они так же вечны, как Материя. Мир, Материя, Вселенная существуют и развиваются по циклоиде, которая представляет собой замкнутую кривую, примерно как пружина, спаянная концами. Т.е. начала этой циклоиды никогда не было.

Каждый цикл, продолжающийся миллиарды лет, такой - взрыв Протоядра, разбегание Галактик, образование Вселенной. Затем сжатие Вселенной, коллапс, образование Протоядра, взрыв и новый цикл. Жизнь и Разум существовали в пространстве, окружавшем Протоядро и были информативно заложены в самом Протоядре при начале очередного цикла развития нашей Вселенной. Когда

кончится разбегание и начнется сжатие Вселенной, Жизнь и Разум начнут изменяться, примут неведомые нам пока формы, чтобы пройти Коллапс и вновь развернуться в следующем цикле развития Вселенной.

По нашим сегодняшним обоснованным научным представлениям, Вселенная начинает каждый новый цикл с нуля. В своем развитии она быстро (конечно, в космических измерениях) повторяет все предыдущие циклы, а затем, до очередного сжатия (т.е. практически весь новый цикл), идет развитие.

Мы и сейчас наблюдаем галактические катастрофы в Космосе, распады галактик, коллапсы, "черные дыры" (т.е. провалы материального мира), образование новых галактик. За много веков мы установили, что все это происходит только в галактиках класса КД. Почему - пока не знаем. Но точно знаем, что все атомы, из которых состоит наш материальный мир, образуются там в кипящих котлах взрывающихся Сверхновых и сталкивающихся Галактиках. Они непрерывно пополняют Вселенную и обеспечивают наше существование.

Уже несколько веков мы исповедуем гипотезу, по которой все планеты Разума, точнее, каждая из планет, являются основой существования Вселенной и гибель галактики класса СД, или планеты Разума, или человечества на ней, немедленно приведет к гибели Вселенной. Поэтому во Вселенной есть силы, которые не допустят ни первого, ни второго, ни третьего. Мы уверены в этом, но обосновать пока не можем.

Ученые установили, что все планеты Разума развивались во Вселенной практически одновременно. Разница в 10-20 веков по космическим меркам незначительна. На всех планетах млекопитающие появились еще в эпоху ящеров-динозавров, господствовать же стали только после их быстрой гибели. Из этого сделали вывод, что предыдущий цикл дошел до динозавров, а настоящий идет уже от них.

А вообще смысл циклического развития Вселенной - в бесконечном развитии Разума.

Все, что развивается, начинается с нуля и имеет свою логику (т.е. Законы) развития. Что было НУЛЕМ Вселенной и как создавалась ЛОГИКА, мы пока не знаем, однако полностью исключаем все сверхъестественные (в том числе - религиозные) объяснения, поскольку наука доказала их невозможность. Вообще религию в Объединённых Галактиках никто не запрещал. Религиозные представления о мироздании в древние века, особенно, до Новой Эры, были господствующими на всех разумных планетах. С ростом знаний они постепенно исчезали. Церквей на планетах Объединённых Галактик уже несколько веков не существует. Я не говорю об отдельных планетах и странах, где религию и церковь то вводили, то разрешали, то запрещали силой. Я говорю об общей картине.

Еще мальчишкой я читал о представлениях древних ученых и фантастов. Они считали, что во Вселенной могут существовать небιологические формы Жизни и что разумные могут диаметрально отличаться друг от друга. Ну что ж! Нельзя говорить, что они чего-то не понимали. Они искали и, в конце концов, нашли!

Жизнь во Вселенной только биологическая, и формы ее неисчислимы. Но есть общее сходство - на всех разумных планетах она служит Разуму. Разум начинается при переходе от растительного к животному миру и завершается высшим разумным - гуманоидом. Если на планете существует животный мир, то там есть и гуманоид. Исключений мы не знаем.

Все гуманоиды похожи. Очевидно, таков Закон. Природа посчитала такую форму лучшей и заложила в Протоядро. Отличия, тоже незначительные, только в цвете кожи, форме головы и конечностей и в размерах и росте. Все это потому, что Разум существует только на определенных размерах планете, вращающейся по определенной орбите вокруг звезды определенного класса.

Два тысячелетия назад выдающийся философ Фагерак («К»=8,6) с планеты Пола Галактики 171-ДС сказал, что Материя - Живая и Разумная. Современники над ним смеялись (на его планете прошли те времена, когда за высказывание собственных мыслей и гипотез могли расправиться физически). А вот мы сейчас задумываемся над его словами. Не все согласны, но я думаю: возможно, это гениальная догадка.

На МС я познакомился с Линн. Она мне нравилась, и, мне казалось, я тоже был ей не безразличен. Линн тоже была многопрофильным специалистом. Могла быть бортврачом космического лайнера, радистом, пеленгатором. Главная специальность - организация питания на космических объектах. На МС она работала в этом ведомстве.

У меня «К»=5,1, у Линн - 5,0. Мы с одной планеты. Я на пять лет старше. Мне - 28, Линн - 23. Мне казалось, что мы созданы друг для друга, но в жизни не все бывает гладко.

Мы поссорились с Линн перед самым моим назначением. Все произошло из-за какой-то чепухи. Она не пожелала меня больше видеть. За пару дней до старта я несколько часов ждал, пока она выйдет из дому, поскольку к связи она не подходила. Я все-таки дождался. Она прошла мимо меня, как мимо пустого места. Я пошел следом.

- Линн! - позвал я.

Она не обернулась.

- Линн! Я стартую не Дальнюю. Я хочу, чтобы ты дождалась разрешения.

Она не отреагировала.

Я долго смотрел ей вслед, потом повернулся и ушёл.

2. "Вот они научат тебя..." (Иов, 8,10)

Мой новый «К»=5,4. Меня назначили на ДМА - Дальнюю Межгалактическую Аварийную. Таких станций около тысячи. Работают на них представители всех разумных миров Вселенной. Их готовят на МС и по согласованию с МС-Центром назначают на ДМА.

Назначение это очень почетное и тяжелое. Почетное, потому что из миллиардов туда попадают только единицы по особому отбору. Тяжелое, во-первых, потому что там ситуация всегда, как на передовой, и шансов погибнуть столько же, сколько и остаться в живых, а, во-вторых, потому что там свое биологическое время, и на свою планету, в свое время, можно уже не попасть. Можно, конечно, отказаться от назначения, но я еще не слышал ни об одном отказе.

ДМА находились далеко за рубежами цивилизованных Галактик, были искусственными сооружениями и неслись по своим орбитам с огромной скоростью. До них добирались специальные субпространственные корабли, действовавшие по принципам КЛЭ (Кар, Ламброс, Эсклиб) и стартовавшие с Межгалактических станций.

Когда-то давно ДМА создавались, как пункты аварийной помощи экспедициям в глубь Вселенной, но они уже давно переросли свое назначение и стали настоящими научными центрами по изучению далеких Галактик. И хотя название "Аварийные" сохранилось, говорило оно скорее об опасности работы, чем о назначении.

Нужно еще сказать, что около каждой ДМА в автономном полете находились несколько лабораторий и обсерваторий с экипажами в 20-30 человек, регулярно сменявшимися. Кроме того, каждая станция имела два-три космических разведчика с экипажами по 100-200 человек и десятка два с половиной космических ботов и шлюпок, находившихся как на станции, так и на спутниках, со своими штатными экипажами. Между станцией и ее сателлитами существовала непрерывная теле-радиосвязь.

На ДМА можно вызвать подругу - жить-то ведь там долго. Женщины, в большинстве, сами специалистки. А если нет, то работа там всегда найдется. На МС нужно оставить заявку, а с ДМА потом придет разрешение. Чтобы дождаться разрешения, женщина на планете должна быть в анабиотической камере. Она добровольно должна отказаться от жизни со своими современниками и, иногда несколько лет, а то и пару десятилетий, ждать "у моря погоды". Все это из-за собственного биовремени на ДМА, и если не анабиоз, то, попав на ДМА, женщина может оказаться вдвое старше своего друга. Есть еще одна сложность. Мужчина на ДМА может не вернуться с маршрута, и тогда ожидание будет напрасным. Правда, женщину, если она захочет, все равно пошлют на ДМА, так как на своей планете она тоже как бы чужая. Но женщины на это не часто соглашаются. Стартуя на ДМА, я оставил заявку на Линн, хотя никакой уверенности, что она ею воспользуется, у меня не было.

3. "Пей воду из твоего водоёма..." (Притч, 5,15)

Все ДМА имели номера. Меня назначили на ДМА 606. Специальные швартовые приспособления втянули корабль в шлюз. Примерно через час нам разрешили выход. Так началась моя работа на новом месте.

На станции было около двух тысяч сотрудников. 800 семей (детьми на ДМА обзаводиться было нельзя), немного меньше трехсот несемейных женщин и немного больше ста несемейных мужчин. Официальных супружеских отношений не было в Объединенных Галактиках уже больше десяти веков. Мужчина и женщина жили вместе, если любили или чувствовали необходимость друг в друге. Унижающих человека законов, принуждавших в древности мужчину и женщину к совместной жизни, давно не существовало.

Все мы были с разных планет, но все мы были гуманоидами. Между мужчиной и женщиной с разных планет всегда была возможна сексуальная связь, если они этого хотели. Законы биологии никаких ограничений не налагали. Почти у всего человечества был одинаковым даже хромосомный аппарат, и у любой семьи могли быть дети (конечно, не на ДМА). Исключения были крайне редки.

По прибытии на ДМА я был зачислен в экипаж одного из разведчиков и полностью включился в подготовку к выходу в очередной поиск. Прошло совсем немного времени, я познакомился с многими сотрудниками станции и жил одинаковой с ними жизнью и заботами.

Начальником ДМА 606 был сулиец Хонеб («К»=7,8, планета Сула, Галактика 218-ДС). В свои 42 биогода он завоевал авторитет одного из ведущих инженеров-астрофизиков и серьезного администратора. Его жена - ардянка Мара («К»=5,7) - была радиоинженером и руководила отрядом радиоастрономической обсерватории. Ей совсем недавно исполнилось 28 биолет.

Мара была первой женщиной, с которой я познакомился на ДМА. Когда я пришел представляться Хонебу, она находилась у него в кабинете. Мы вместе вышли оттуда. Мара прекрасно владела моим языком, и мы разговаривали без компьютера-переводчика, что было гораздо быстрее и приятней. Легкая и смешливая, она казалась гораздо моложе меня, хотя была моей ровесницей.

Наш первый разговор был, как обычно, ни о чем. Назавтра о нем забывают. А я почему-то помнил. Мара, по-моему, тоже. На всех вечерах, собраниях и других встречах свободных от дежурств работников станции, если присутствовали я и Мара, мне казалось, что уголком глаза она все время держит меня под наблюдением. Если же я разговаривал с женщиной, особенно с молодой и красивой, Мара обязательно оказывалась рядом, и у нее всегда находился вопрос ко мне или к моей собеседнице.

Общий распорядок жизни на ДМА был примерно таким же, как на планетах. Когда кончался рабочий день, угасали светильники дневного освещения и зажигался вечерний свет, мы обычно шли по домам и занимались своими делами. Все, что нужно из фоно- или видеотеки, можно было получить дома, воспользовавшись автоматикой. Когда после короткого вечернего света включался ночной, многие шли гулять в парк или оранжерею, или в зал, где прокручивались последние видеоленты, доставленные на станцию. Сведения о родных планетах, на которых, по их времени, не был уже много десятилетий, были дороги сердцу каждого.

В один из таких вечеров неожиданно просигналил радиотелефон. Говорила Мара. Сказала, что находится рядом, и попросила разрешения зайти. Я ответил согласием и почему-то с необычайным волнением заметался по своим двум комнатам, пытаясь навести хоть какой-нибудь элементарный порядок.

Когда она вошла и отпустила очередную шутку в мой адрес, я, чтобы скрыть смущение, довольно грубовато спросил, по делу она пришла или просто так.

- Я пришла в гости! - не обратив ни малейшего внимания на мой тон, сказала Мара, - Ты можешь быть гостеприимным хозяином и не задавать глупых вопросов?

Я пододвинул табулятор заказов фабрики-кухни и, пока она комбинировала с меню, сел рядом за столик. "К тебе пришел товарищ, радиоастроном, - твердил я себе, - вот и веди себя соответственно!". И все же я чувствовал себя не в своей тарелке.

- Я хочу немного выпить, ты не возражаешь? - спросила Мара

- Я бы присоединился! - ответил я.

Я должен пояснить, что на ДМА, как и на всех службах открытого космоса, никакие алкогольные напитки не употреблялись, о них даже не знали. Были повышающие тонус природные настойки. Мы выпили по бокалу какого-то адского коктейля, который она заказала, и я почувствовал себя значительно веселей.

- Я встретила Хонеба на Арде совсем девчонкой двадцати лет. Кончила учиться и работала у него в лаборатории на МС. Его очень быстро назначили на ДМА, и мы отправились. Не на эту, на другую. Потом сюда. На Арде у меня никого уже не осталось - вдруг печально сказала Мара. Потом, махнув рукой улыбнулась. - Ты видел мир больше меня. Расскажи о нем!

- Если считать за большее знание мира то, что я мотался на всех видах транспорта по густонаселенке, загорал и купался в естественных водоемах больше тебя, поделюсь с тобой охотно!

Я пытался говорить свободно и независимо, но пока не получалось.

- Естественный водоем... - задумчиво сказала Мара - я хочу загорать и купаться в естественном водоеме!

И снова меня что-то кольнуло в ее словах.

Потом все вошло в свою колею. Я говорил об учебе. О том, как пять раз падал в обморок на анатомическом театре. Она вспоминала картинки из детства, и мы довольно весело смеялись. Потом прогулялись по парку. "Ты идиот, - твердил я себе, - конечно она пришла к тебе просто, как к товарищу, как к новому товарищу, и все!". Я почему-то почувствовал, что эта мысль не принесла мне того облегчения, какое я ожидал.

Мы разговаривали, как бы по взаимному соглашению обходя "запретные" темы, и нам было хорошо. Я даже не заметил, как мы вышли из парка, пошли по "проспекту" (так мы называли Центральный тоннель) и дошли до моего поворота.

Мара вдруг остановилась и взяла меня за руку. Не говоря ни слова, она несколько минут двигала мои пальцы своими.

- Дальше не нужно ходить, иди домой! - сказала она, тряхнула мою руку и быстро ушла.

Я обескураженно смотрел ей вслед.

Ночью меня разбудил сигнал тревоги. Сначала я подумал, что это общая тревога, но когда быстро оделся и вышел, понял, что вся станция спит. Работало, видимо, только сигнальное устройство моего радифона. Придя на командный пункт, я застал там еще пятерых космонавтов и заместителя Хонеба - Пали («К»=7,2, планета Дарджея, Галактика 8201-ДС).

- На четвертой обсерватории произошла тяжелая и необычная авария, - сказал Пали, - Нужна срочная помощь. Я вызвал всех свободных космонавтов и сам возглавлю отряд!

Вошел Хонеб. Он уже знал о случившемся. Распоряжения его были быстрыми и точными. Через несколько минут мы мчались к обсерватории на специальном спасательном боте, снабженном двумя автономными выходами в открытый космос. Киберов с нами не было. Хонеб сказал, что не может дать ни одного - все заняты на работах.

В боте Пали рассказал, что произошло. Один из пилотов радировал со шлюпки, подходившей к обсерватории, что не справляется с управлением, и поднял тревогу. Шлюпка ударила во входной шлюз с такой силой, что разгерметизировала многие отсеки спутника. Правда, начальник обсерватории, собрав за считанные минуты всех сотрудников в центральном отсеке, сумел предотвратить гибель людей, но положение у них трудное. Продовольствия они не взяли, скафандров у них нет. Хотя радио действует, киберы не отзываются. Разгерметизировать отсек они не могут, воздух на исходе.

Через сутки мы подошли к обсерватории. Наши прожектора осветили разбитую шлюпку, врезающуюся в закрытые ворота шлюза, и огромную трещину по корпусу спутника. Надев скафандры, мы вышли в открытый космос. Пали приказал мне обследовать разбитую шлюпку и пилота. Остальные двинулись к входным галереям.

Шлюпка выходного шлюза в космос не имела, значит пилот мог выйти из нее только на станции. Корпус шлюпки сплющило от удара, и в нескольких местах зияли сквозные дыры. О герметичности можно было не заботиться, и я лазерным резаком вскрыл входной люк. Пилот сидел в

своем кресле, прочно схваченный ремнями безопасности. Скафандр его, на первый взгляд, казался неповрежденным. Под шлемом, уставившись в никуда, тускнели широко открытые стеклянные глаза. Я отстегнул ремни и, не открывая скафандра, перенес мертвого пилота в наш бот.

В этот момент меня вызвал Пали.

- Габрал, - сказал он - ты освободился?

- Освободился. Где вы?

- Я включу маяк. Иди по маяку!

- Иду!

Через пару минут я присоединился к товарищам. Они обследовали все входные люки.

Автоматика нигде не работала. Не зная состояния внутренних помещений, вскрывать люки было опасно. Могла произойти дополнительная разгерметизация какого-нибудь узла обсерватории и, если на ней повреждена кислородная установка, у нас могло не хватить воздуха для спасения людей.

Я посоветовал пройти внутрь через шлюз - он все равно разрушен. Отодвинув в сторону искалеченную шлюпку, мы резаками сняли створку шлюза и вошли в камеру. Все четыре киберы обсерватории находились здесь. Видимо, готовились встретить шлюпку. Удар повредил их, и они не действовали. Автоматика, как ни странно, работала и у входа во внутренний кессон горел сигнал опасности, означавший, что шлюз сообщается с открытым космосом

Я заметил, что Пали немного растерялся, и неназойливо взял команду на себя. Объяснил товарищам свою мысль, что, поскольку автоматика работает, нужно изолировать шлюз и попытаться открыть кессон. Попросил одного из них остаться в боте. Остальные с мощной автономной воздушной установкой перешли в шлюз. Мы подняли и приварили срезанную створку. Потом, используя полосы специального металла, запаяли все трещины и, когда наши приборы показали полную изоляцию, включили воздушную установку.

Автоматика нас не подвела! Как только в шлюзе установилась нужная среда, сигнал опасности погас и открылась дверца кессона. Но у входной дверцы внутренней галереи горел проклятый сигнал!

Мы сняли шлемы и сели. В кессоне было тепло. Связь с центральным отсеком действовала все время. Начальник обсерватории высказал мысль, очень обрадовавшую нас: если у люков кессона действовали сигналы, значит в самом кессоне было постоянное давление. А это возможно только в том случае, если работает кислородная установка. Воздушно-климатическая система явно повреждена. Видимо сработали аварийные заслонки и там, где система цела, она работает!

Мы обрадовались. Теперь со спокойной совестью можно было открыть внутреннюю дверь кессона резаком. Так мы и сделали, запаяв на всякий случай решетки ВКУ.

Галерея, идущая к центральному отсеку, была повреждена в нескольких местах. Мы падали с ног от усталости, когда, наконец, все работы были закончены. Отдраив решетки, мы следили по приборам, как быстро восстанавливается среда. Погас сигнал опасности. Тогда мы сняли скафандры и передали в центральный отсек, чтобы они выходили в галерею.

Люк открылся. В нос нам ударил удушливый, спертый воздух. Но люди не вышли. Они обессилели от волнений, голода, недостатка воздуха и, не имея сил подняться, сидели в своих креслах. Многие были в обмороке.

И тут мы узнали еще одну ошеломляющую новость. В центральном отсеке были все, кроме одного. Астроном Декегал при сигнале тревоги кинулся в смотровую рубку и задрался там. Связь с ним потеряна. Начальник не сообщил нам об этом, так как считал необходимым сосредоточить все наши усилия на спасении всего экипажа и не хотел, чтобы мы от этой цели отвлекались.. Мне непонятно, зачем таких "целесообразных" пускают в космос, однако слишком устал, чтобы спорить.

Я встал и снова надел скафандр.

- Как, ты говоришь, зовут его? - спросил я начальника обсерватории.

- Декегал, «К»=7,3, планета Ула Мафея, Галактика 12-ДС.

Декегал - мало кому известное имя. Никто не думал, что вскоре оно станет известно всему человечеству.

Пот слепил мне глаза, ломило спину, руки и ноги, пока мы, наконец, поставили щит и я сумел открыть ход в галерею, ведущую в рубку. Галерея была серьезно повреждена и в ней царил

космический холод. Если бы я знал, что Декегал успел надеть скафандр, то сразу бы открыл рубку резакон. Но я этого не знал, а на стук никто не отзывался. У самого входа в рубку пришлось ставить щит.

Я несколько минут отдыхал. Потом подтащил рулон металлической пленки, вырезал несколько балок из крепления галереи и приварил их вертикально. Теперь можно было приладить пленку. Без балок ее бы вырвало давлением. Я считал, что мое сооружение дает мне гарантию не более получаса. Надо было поторапливаться. Поставив щит, я открыл баллон атмосферного концентрата и, когда среда восстановилась, снял шлем и вытер пот. Сообщил, что вскрываю дверцу рубки. Пали осторожно посоветовал надеть шлем. И вовремя!

Звука я не слышал. Что-то ударило меня по голове и спине. Я упал и потерял сознание. Очнулся оттого, что кто-то меня звал. Я не сразу понял, что это работает шлемофон. Было абсолютно темно. То ли погас фонарь, то ли никак не мог открыть залитые кровью глаза.

- Габрал! Габрал! - звучал в наушниках голос Пали - Что с тобой? Ты можешь говорить? Отзовись!

Я хотел ответить, но вместо слов вырвался какой-то непонятный стон.

- Габрал! - радостно заорал Пали - Я тебя слышу! Скажи что-нибудь!

- Темно, - сказал я - ничего не вижу. Темно.

- Что произошло?

- Не знаю, сейчас разберусь!

Скафандр выдержал удар, иначе я был бы давно мертв. Подвигал руками, ногами - все двигалось. Только сильно болели голова и левое плечо. Я встал на четвереньки и начал шарить в своем закутке. Нашел фонарь - он упал и выключился - и сразу включил свет.

Левый глаз ничего не видел - был залит кровью. Правым глазом я видел, но сильно мешала пленка той же крови, присохшая к шлему. Все же я разобрал, что случилось, и передал Пали. Я не мог знать, что верхняя балка перекрытия еле-еле держалась. Ее вырвало давлением с такой силой, что она повернулась вокруг своей оси и другим концом ударила меня. Пали спросил, сумею ли я продержаться часа два. Они придут ко мне на помощь.

- А астроном? - сказал я - Если рубка повреждена, то в скафандре у него только суточный запас кислорода. Он уже задыхается, даже если жив!

- Но ты же ранен!

Я проглотил комок слюны.

- Я попробую!

Я тщательно проверил все крепления галереи и только после этого заварил новую трещину металлом. Восстановив маленький закуток перед дверцей рубки, я выпустил из баллона остаток воздушного концентрата.

Дверь рубки открылась неожиданно быстро. Там горел свет. Приборы показывали нормальную среду. Я сразу же увидел фигуру в скафандре, лежащую ничком на полу, и бросился к ней. Астроном лежал, зажав руками какую-то толстую папку. Весь шлем его был залит кровью. Я толкнулся к шкафу с запасным скафандром. Скафандр был на месте. Достав санпакет, я, сняв шлем и перчатки, быстро протер себе лицо и вытер шлем. Потом подтащил запасной скафандр и переодел в него астронома. Когда я протирал его лицо, мне показалось, что он жив. Надев обратно шлем и перчатки, я положил в планшет папку, которую держал астроном, и только тогда в изнеможении свалился на пол. В этот момент мне сказали, чтобы я никуда не двигался и ждал. Пали что-то мне объяснял, но я плохо понимал, что он говорит. Через какое-то время я увидел две фигуры в скафандрах, "плывшие" ко мне и отключился.

Очнулся я явно в больничной палате. Рядом сидела медсестра. Увидев, что я открыл глаза, она сказала: "Наконец-то!", поправила на мне одеяло и выскочила из палаты. Я уже сидел на койке, когда вошел Пали. Он обхватил меня и стал тискать. Подошедший врач отстранил его.

Врач поздоровался, осмотрел мои голову и плечо, чего-то подергал, пожал и, наконец, повернувшись к Пали сказал: "Забирайте!".

- Ты спал ровно десять суток! - сказал Пали, когда врач ушел. Тебе ввели какой-то раствор и велели ждать, пока проснешься сам. Как во всем мире, не знаю. На ДМА ты и Декегал сейчас самые знаменитые фигуры!

Я понял, что у меня было сотрясение мозга и, наверное, залечивали рану на черепе. Рана очевидно была неглубокой, пробита только кожа. Иначе меня отсюда так легко бы не отпустили. Посмотрев в зеркало, я заметил почти невидный рубец над левым глазом.

- Объясни, пожалуйста, что произошло? - спросил я.

- Одевайся, нас ждет Хонеб! По дороге, что успею, расскажу!

Пока я одевался, Пали начал рассказывать.

Пилот, который совершил аварию, умер от внезапного сердечного приступа. Еще хорошо, что успел предупредить! Пока я шел к рубке астронома, остальные установили щит и изолировали галерею, ведущую к кладовой с запасными скафандрами. Работы там хватало. Когда у меня произошла авария, работу прервали и готовы были ринуться мне на помощь. Я отозвался. Тогда было решено быстро пробиться к кладовой. Пробились, одели весь персонал обсерватории в скафандры и двинулись ко мне. Когда ко мне и астроному подошли, мы оба признаков жизни не подавали. Через час починенный нами шлюз все перешли в бот. Меня и Декегала положили рядом с мертвым пилотом. Хонеб приказал всех троих доставить в клинику ДМА, не снимая скафандров. Врачи хотели посмотреть на нас без дополнительных вмешательств.

Уже в клинике врачи установили причину смерти пилота. Мне сорвавшаяся балка стукнула по шлему и спине. Ничего серьезного не обнаружили. Синяк на лопатке и позвоночнике, от удара о шлем рассечена кожа на лбу, легкое сотрясение мозга и тяжелая усталость. Что касается астронома, то он тяжело ранен. Врачи над ним колдуют до сих пор. Пока безуспешно.

- Все остальное сейчас узнаешь - сказал Пали.

Мы вошли в кабинет Хонеба. Хонеб подошел и крепко потряс меня за плечи обеими руками.

- МС-Центр признал аварию на обсерватории - ЧП и уже принял решение произвести немедленное переосвидетельствование всех сотрудников служб Открытого Космоса. На это время прерваны все ближние и дальние пассажирские рейсы, экспедиции и другие маршруты, кроме аварийных. То же самое приказано всем, находящимся в пути! - Хонеб вдруг как-то странно улыбнулся уголками рта - Представляете, как нас сейчас костерят во всей Вселенной!

Он помолчал. Потом сказал:

- Декегалу плохо. У него тяжелые проникающие ранения черепа. Боюсь, что медицина тут бессильна! Но ты привез то, ради чего он пожертвовал жизнью - его записи, пленки и документы. Ты знаешь, он сделал самое сенсационное за последние века открытие - он открыл Новую Галактику! МС-Центр признал его "К" выше на 1,2, твой - на 0,9. Он награжден Венком Славы, тебе объявлена Благодарность!

Хонеб крепко пожал мне руку. Пали обнял, сказал: "Рад за тебя!" - и вышел. Я стоял, никаких мыслей в голове у меня не было.

И тогда Хонеб, глядя прямо мне в глаза, сказал:

- Я послал на Лору разрешение для женщины, которой ты оставил вызов!

4. "Время любить..." (Еккл., 3,8)

Я пошел к себе через верхние галереи. Таким путем не ходит никто, но не хотелось никого встречать. Дома я лег плашмя на тахту и уставился в одну точку. Полученные новости надо было переварить. Незаметно заснул.

Проснулся я внезапно и, хотя в комнате было темно, почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Стараясь не двигаться, передвинул рычажок освещения возле тахты. Вспыхнул свет.

В кресле у тахты сидела Мара.

Я не знал, что сказать, и молчал. Мара встала, пересела ко мне на тахту, погладила меня по лицу, потом наклонилась и поцеловала в губы. Когда я обнял ее за плечи и прижал к себе, она дернулась, вырвалась и встала.

Некоторое время она стояла и как-то по особому, так, что у меня в груди что-то сжималось, смотрела на меня. Потом, все так же глядя на меня, стала дрожащими пальцами расстегивать кофточку, сняла ее и бросила в кресло. Коротким движением спустила молнию на юбке. Юбка упала на пол, и Мара переступила через нее.

- Запри, пожалуйста, дверь! - сказала она - Я не хочу, чтобы кто-нибудь вошел...

Еще горел ночной свет, когда Мара села на тахте. Я обнял ее за талию. Водя пальцами по моему лицу, она сказала:

- Я ведь на дежурстве в обсерватории. Нужно прийти туда, хотя бы под утро!

И увидев, что я сразу сник, добавила:

- Не обижайся, родной. Я не хочу, чтобы Хонебу было больно!

Когда она вышла из душа, как всегда подтянутая и до умопомрачительности свежая, я подумал: уж не приснилось ли мне все, что было до этого. Я открыл дверь, она подошла к ней, потом повернулась ко мне, обняла и стала неистово целовать. Отстранилась. В глазах ее сверкнули чертики.

- Ты вызвал на ДМА другую женщину. Что ты будешь делать с нами с двумя?

Засмеялась, оттолкнула меня и ушла.

Через несколько часов Хонеб пригласил меня в зал научных конференций. Когда я вошел, там были все научные силы ДМА. Меня встретили приветливо и оживленно. Были включены ретрансляторы МС-Центра, передавали новости. Судя по сообщениям, мы с Декегалом стали знамениты на всю Вселенную. Наши фото были опубликованы во всех средствах массовой информации всех стран всех планет. Я почему-то чувствовал, что мне неудобно перед товарищами. Объяснять что-либо было еще хуже, и я был очень благодарен Хонебу, когда он, выключив ретрансляторы, предложил заняться тем, для чего сюда собрались.

Хонеб говорил медленно, по ходу выступления отвечал на вопросы. С Декегалом дела плохи. Для него готовят специальный анабиотический контейнер. Он будет доставлен на свою планету, где его попытаются возратить к жизни и вылечить. Пока он существует только за счет машин, отправляющих за него все жизненные функции.

Декегал работал вместе с Пали в обсерватории на спутнике Дарджеи. Замеряя блеск знаменитого "Треугольника" для отладки приборов, он обнаружил несоответствие блеска "γ" номиналу. Сначала он решил, что врут приборы. Поскольку для их проверки он и начал все дело, пришлось потратить почти год, чтобы установить, что приборы точны. А несоответствие оставалось. Тогда Декегал решил, что врут каталоги, и хотел внести новые данные. И тут его осенило!

Здесь нужно сделать отступление.

Во-первых, система "Треугольника" - это несколько звезд в дальних просторах Метагалактики, оторвавшиеся от своих Галактик при их расхождении. Они стали известны человечеству с появлением астрономических приборов и были видны с нескольких Галактик, как три звезды 24-35 величины, образовавшие почти равносторонний треугольник. Потом оказалось, что звезд там семь, а "γ" - двойная звезда.

Во-вторых, Декегал вел подробный дневник с записями наблюдений, спектрограммами, фото- и киноплёнками, альфа- и гаммаграммами, расшифровками критиевых анализаторов и ссылками на МС-Каталог. Все это, отправленное альфатрансляцией в МС-Центр, было заложено в "Аххав". Главный Мозг Вселенной через несколько минут подтвердил точность выводов Декегала.

Декегал решил, что на блеск "γ" накладывается блеск еще одного объекта, которого мы не видим. Судя по интенсивности, объект мог быть, вернее, должен был быть гораздо мощнее, чем звезда.

Почему же этого никто не заметил?

Декегал решил проверить, проводилась ли на спутнике Дарджеи отладка приборов по "Треугольнику" до него и откуда местная обсерватория взяла данные каталога. Будучи очень скромным человеком, он решил пока молчать о своей догадке и проделал всю сложнейшую проверку сам. На это ушло еще шесть лет.

Сначала он просмотрел все данные проверок на спутнике Дарджеи с начала применения технических (электронных) методов отладки, т.е. веков за пятнадцать. Имея в распоряжении всего две машины, он справился за год. Учитывая, что он еще выполнял работу ведущего астронома, - довольно быстро!

Декегал установил, что на Дарджее отладка приборов по "Треугольнику" не проводилась никогда.

Затем были еще пять разумных Галактик, с которых наблюдался "Треугольник". С одной из них данные каталога и были внесены в каталоги Дарджеи. В каждую Галактику Декегал "выбивал" командировку, находя какие-нибудь достаточно веские причины. Огромная разница в расстояниях и совсем другой угол зрения делали свое дело - блеск по номиналу соответствовал каталогу. Декегал понял, что накладывание блеска происходит потому, что система Дарджея-Спутник, "γ" "Треугольника" и неведомый объект находятся на одной прямой. И хотя прямую он начертил и рассчитал, с других Галактик объекта он не увидел. Значит, до объекта было сверхколоссальное расстояние и поиск с других Галактик был безнадежен. Он не знал, где искать, а делать снимки вдоль луча зрения можно до бесконечности во времени и пространстве.

Вернувшись на спутник Дарджеи, Декегал, пытаясь найти удобную точку наблюдения, начал изучать координаты всех ДМА. И тут Пали сказал ему о своем назначении на 606-ю. Астроном выяснил координаты станции и сам запросился с Пали. Станция оказалась там, где было самое лучшее место для наблюдений.

Из нашей обсерватории он, проработав почти год, обнаружил то, что искал - слабо видимую звезду. Уже несколько десятков лет она была внесена в каталоги нашей ДМА (из всех ДМА - единственной), но ничьего внимания не привлекала. Еще через год Декегал установил, что расстояние до объекта - фантастическое, а его (объекта) светимость - колоссальная. Это была неизвестная Галактика или, возможно, группа Галактик.

Таким образом, проработав десять лет, Декегал научно доказал свою гипотезу. Теперь он мог ее изложить и хотел сделать доклад на Ученом Совете ДМА. Он обратился к Хонебу с просьбой созвать Совет. Хонеб согласился, а через день произошла авария.

Мы были потрясены и несколько минут молчали. Мы поняли, что рядом с нами жил и работал действительно Настоящий Человек и Выдающийся ученый, а я про себя гордился, что сделал все, что мог, для его спасения.

Затем Хонеб ознакомил нас со всеми материалами Декегала. Мы просидели несколько часов, и, хотя расходились уставшими, настроение было торжественным и приподнятым.

Я еще долго бродил по парку и оранжерее. В том, что к объекту Декегала пошлют экспедицию, сомнений не было. Корабль, видимо, пришлют из МС-Центра, так как наши разведчики вряд ли для такого маршрута пригодны. Там же в МС-Центре будут формировать состав, и ничего желаннее для меня, чем участвовать в этой экспедиции, сейчас не существовало.

Едва я переступил порог дома, как сразу же в мое сознание ворвалась Мара. А как же она? Если я буду участвовать в экспедиции, то когда я вернусь? И вернусь ли? Будет ли она ждать меня в анабиотической камере ДМА? И как отнесется ко всему этому Хонеб?

Радужное настроение исчезло. Я мерил шагами пол своей квартирке и все больше и больше понимал, что все дальнейшее зависит от Мары. Когда, устав, я сел в кресло и задумался, все стало ясно и просто. Будет так, как скажет Мара: пойду ли я в экспедицию, останусь ли на ДМА или уеду с ней на планету.

Мара незаметно вошла в комнату, неслышно подошла сзади и погладила меня по волосам. Я стремительно повернулся, обнял ее и посадил к себе на колени...

Через пару часов, когда я мучительно думал, как изложить свои проблемы, Мара, не поднимая головы с моей груди, вдруг сказала:

- Ты знаешь, едва вы только стартовали на обсерваторию, как на командном пункте в кабинете Хонеба собралось человек двадцать. Они руководили всеми вашими действиями. Я тоже была с ними в кабинете. Когда у тебя там что-то случилось по пути в рубку астронома, у меня началась истерика. Я мешала, и меня выставили из кабинета. Хонеб сохранял каменное спокойствие. Я думаю он все понял!

Она подняла голову, посмотрела мне в глаза и как-то виновато улынулась.

- Я не знаю, как и почему так случилось..., только в тот момент я почувствовала, что единственное...что у меня...есть в жизни...это ты!

Я хотел что-то сказать, но она закрыла мне рот поцелуем.

- Молчи!...Давай помолчим! - сказала она и, обняв меня, добавила - Ты думаешь, у меня меньше проблем, чем у тебя?

Прошло еще две декады. МС-Центр готовил экспедицию. Был выделен новейший корабль, уже построенный и находившийся на стапелях Центра. Маршрут до нашей ДМА будет его испытательным пробегом. Отсюда экспедиция стартует и сюда же вернется. Обсуждался и утверждался состав. Мы ждали.

Мара каждый день была у меня. По-прежнему она делала это втайне, приходила и уходила по верхним галереям. Она отдавалась моей ласке, целовала и ласкала меня, однако всякий серьезный разговор немедленно обрывала.

В этот день она позвонила из обсерватории.

- Ты почему не обратился к Хонебу, чтобы тебя включили в экспедицию?

- Этот вопрос решает не Хонеб!

- Верно. Но он немедленно передаст твое обращение в МС-Центр. Там уже удивлены твоим молчанием!

Я не ответил.

- Почему ты молчишь?

- А как же ты? - спазма сдавила мне горло и я едва выдавил эти слова - Я без тебя решать ничего не хочу!

Мара почему-то всхлипнула.

- Ты дурачок! - медленно сказала она - Неужели ты не понял, что я буду тебя ждать. Буду, даже если ты не вернешься!

И отключила связь...

5. "Будь твёрд и мужествен..." (Иис. Нав., 1,6)

Что-то неназойливо, но четко звучало над головой. Я открыл глаза, и мой взгляд уперся в крышку анабиатора. Звенел звонок. Журчала специальная жидкость, уходившая через стоки. Действуя скорее автоматически, чем сознательно, я ткнул пальцем в приборный щиток. Крышка отошла в сторону и пахло холодом. Я вылез из анабиатора, остатки жидкости стекали по мне на пол. В полутьме ярко горели сигналы: "Все в порядке! Опасности нет!"

Включив свет и автоматику душевой установки, я стал размахивать руками и прыгать, чтобы согреться. Медленно открылась ниша, в которую, поднимаясь вертикально, стал вдвигаться анабиатор. Обходя его, выдвигалась душевая установка. Загорелся сигнал подключения, и я с удовольствием влез под горячую струю. Стало жарко и, словно отогреваясь, заработала память.

Все вокруг померкло. Меня охватила безысходная тоска.

...Экспедиция была утверждена. Капитан-командором был назначен Хонеб. Пали должен был принять от него ДМА-606. К моему огромному удивлению, МС-Центр повысил мой К еще на 0,4 и назначил меня заместителем Хонеба. Мы работали круглосуточно. Приходя домой, я едва успевал принять душ и сразу проваливался в глубочайший сон, предвкушая прекрасное пробуждение. И ни разу не ошибался. Меня будила нежная ласка Мары.

Она по-прежнему приходила и уходила по верхним галереям, нас никто не видел вместе, но мне было на это наплевать. Она была, была всегда, и я все больше и больше погружался в упоительное, даже не опьянение, а пьянство любви. Однажды Мара сказала:

- Знаешь, мне начинает казаться, что мы свой выбор сделали. И окончательно!

- Я то в этом уверен! - ответил я - А вот...

- Ты очень большой и очень глупый! - прервала меня Мара, обняла и повалила на тахту...

Поступило сообщение о смерти Декегала. Родная планета провожала его в последний путь. Его имя было высечено на Стеле Почета в МС-Центре недалеко от памятников Кару, Ламбросу и Эсклибу. В его честь был назван корабль, на котором мы пойдём к открытой им Галактике.

Был назначен день старта "Декегала" из МС-Центра. Через четыре наши биодекады, пройдя ходовые испытания, он будет втянут в огромный шлюз 606-й и пришвартован.

Я не мог заставить себя обратиться к Хонебу и узнать насчет Линн. Он ведь выслал на МС подтверждение и ее могли транспортировать на 606-ю. Сказал Маре. Она захлопала в ладоши.

- Ага! Ты все-таки испугался гарема! - засмеялась она - Не бойся! Ее транспортировка в связи с твоим назначением в экспедицию временно задержана!

- Она дала согласие? - я был удивлен сверх меры.

- Не знаю - ответила Мара - просто, МС-Центр дал на Лору указание снять подтверждение Хонеба.. А вот имело ли оно адресата - неясно.

- То есть ты хочешь сказать, что МС-Центр планировал мое участие в экспедиции еще до того, как состоялось официальное решение?

- Хонеб недавно рассказал мне всё. Так что так оно и было!

Я решил, что настала благоприятная минута.

- Мара! Давай поставим Хонеба в известность обо всем!

Веселость и оживление с Мары как ветром сдуло. Она подошла ко мне, нырнула под мои руки и обняла меня.

- Габ! Ты веришь мне?

- Да!

- Родной мой, я не маленькая девочка! Я люблю тебя насмерть, наповал! И никто и никогда этого не изменит! Мы всегда будем вместе и будем счастливы. Но сейчас сделать так, как ты предлагаешь, не время. Поверь мне!

Мог ли я возразить?

В первый день зимы (по календарю МС-Центра) "Декегал" стартовал. Через несколько часов мы узнали об этом. 606-я загудела, как разбуженный улей. Это был день отдыха, и Мара пришла днем. Я почувствовал, что происходит что-то не то. И не ошибся.

Включили ночной свет. Мара, как всегда перед уходом, тщательно привела себя в порядок. Вдруг, выпрямившись, как стрела, она сказала:

- Я пришла проститься!

До меня не сразу дошли её слова, и мы молчали. Потом краска гнева стала заливать мое лицо.

- Выслушай меня и не злись, - спокойно сказала Мара, - Я улетаю на планету. Я хочу купаться в естественном водоеме и ездить по густонаселенке. Там я буду тебя ждать. Только тебя! И, что бы ни случилось, всю оставшуюся жизнь! А здесь я вам буду только мешать!

Она сделала шаг ко мне и неожиданно горько заплакала. Но сразу же остановилась, вытерла слезы и стоически улыбнулась.

- Лайнер на Ард стартует рано утром. Никаких проводов я не разрешу! - Мара снова говорила спокойно. Она подошла ко мне, и я встал с кресла

- До свиданья, родной! Помни меня и верь мне!

Я поднял ее на руки и держал, как маленького ребенка. Говорить я не мог, предательские слезинки говорили за меня больше слов.

Мара улетела и все стало пусто. Время тянулось медленно и бестелесно, как древняя заупокойная молитва.

Прибыл, наконец, и пришвартовался "Декегал". Огромный новейший корабль, оснащенный по последнему слову техники, с экипажем в сто человек и восьмьюдесятью киберами. Он требовал скрупулезного освоения, и мы осваивали его почти шесть декад.

Одновременно с "Декегалом" пришло интереснейшее для нас сообщение. Более пятнадцати веков назад, сообщил порывшись в своей памяти "Аххав", на одном из первых субпространственных кораблей - "Лоре" в район "Треугольника" стартовала экспедиция под начальством моего древнего тезки - капитан-командора Габрала. Экспедиция не вернулась, никаких сведений о ней нет. Мы долго обсуждали, случайно или нет направил древний командор свой корабль к "Треугольнику".

А потом...

Меня срочно вызвал Хонеб. Он был в своем кабинете, и я вошел туда. Хонеб сидел сгорбившись, глядя в пустой стол, и никак не реагировал на меня. Подходя к столу, я почувствовал, что мои ноги наливаются тяжестью.

- Мара погибла, - сказал Хонеб, подняв на меня совершенно отсутствующий взгляд, - погибла глупо и нелепо в катастрофе планетного транспорта. Час назад я получил сообщение и соболезнование МС-Центра...

Меня как будто окружила стена, я ничего не понимал, слова Хонеба отскакивали от меня, как горох. Поняв мое состояние, Хонеб замолчал и снова сгорбился.

Я сел на стул. В ушах стоял какой-то звон. Как в детском страшном сне, я хотел проснуться и не мог. Хонеб, не меняя позы, тихо заговорил:

- Фактически больше трех биолет мы с Марой уже не были супругами. При переводе на 606-ю она просто сопровождала меня, как верный и надежный товарищ. Она уважала, но никогда не любила меня. Поняв, она открыто сказала мне всё. Я не мог без нее жить. Я должен был видеть ее каждый день. Мое рабочее состояние зависело от того, что я знал - она работает рядом. На большее я не претендовал и мечтал погибнуть раньше, чем что-нибудь изменится.

Я не шевелился. Внутри меня все время звенел какой-то тревожный звонок и что-то рвалось выплеснуться наружу. Все свои силы я тратил на то, чтобы удержать все в себе. Хонеб продолжал:

- Я сразу начал обо всем догадываться, а потом все узнал. Мара сказала перед отлетом. Она решила родить ребенка и забеременела от тебя. Просила поведать тебе только в случае крайней необходимости и взяла с меня клятву, что ты вернешься из экспедиции живым...

Больше Хонеб не сказал ничего. Мы сидели молча. Никто не звонил и не входил. Видимо, Хонеб отключил связь и дал запретный сигнал. Потом я встал и ушел.

Я как будто оступел и не сразу понимал, что мне говорят. Шок, который продолжался несколько дней. Товарищи не знали, что произошло, видели мое состояние и оказывали мне всяческую поддержку. Хонебу было еще хуже - он-то ни на минуту выключиться из подготовки не мог и, проявив колоссальную силу духа и выдержку, не только прикрыл меня, но и не ослабил темпа работ.

Я в свою квартирку больше не пошел. Переселился на корабль и работал, пока не валился с ног. Потом два-три часа тяжелого забытья вместо сна и опять работа. За несколько дней до старта я полностью пришел в себя, не позволяя себе помнить что-либо, кроме рабочих вопросов, и участвовал в распределении обязанностей по экспедиции. Хонеб принял на себя руководство духовной, научной и хозяйственной частью. Я руководил пилотами, астрогацией и связью.

Каждый участник экспедиции имел свою каюту и душевую с анабиатором. Поскольку я оставался на командном пункте последним, в мои обязанности входило проверить установку и включение всех анабиаторов, кроме Хонеба. Мы с Хонебом составили свой режим обязательного пробуждения. Кроме того, каждый из нас (я говорю о себе и Хонебе) мог выходить из анабиоза в любое задуманное им время. В случае тревоги аварийное включение выводило из анабиоза нас двоих и дежурный состав экипажа. Я должен был по расписанию включиться при прохождении вблизи "γ" "Треугольника". Вот мой анабиатор и сработал.

Я медленно двинулся в командную рубку. Стремление ни о чем не думать неизменно разрушалось строчками официального извещения о гибели Мары. Они стояли у меня перед глазами, в ушах звучал ее голос. "Так ты долго не протянешь, прекрати!" - сказал я себе и с этой мыслью вошел в рубку.

"Декегал" уже вышел из подпространства (иначе не включился бы мой анабиатор) и с выключенными двигателями, с колоссальной инерционной скоростью, проходил вблизи двойной звезды. Включив экраны и приборы, я несколько минут наблюдал систему "γ", от центра которой мы находились примерно в пятистах миллионах километров. Это были два желтых гиганта, один немного больше другого, взаимно вращающиеся по сложной орбите. Правда, вращение их регистрировалось только на специальном экране, где пунктиром были нанесены элементы орбиты, а

визуально и "Декегал", и звезды как будто застыли неподвижно в черной бездне, и никакого движения не ощущалось.

Вошел Хонеб. Видимо, он тоже включился на первый же выход из подпространства. Хонеб быстро и внимательно осмотрел приборы. На экране на наших глазах звездная пара протянула друг другу свои протуберанцы. Хонеб глухо сказал:

- На 606-й прошло уже почти три года, а на Арде почти четыре! Ты выбросил ретрансляторный буй?

- Я вошел на несколько минут раньше тебя. - ответил я - Еще не успел. Хочу найти и проанализировать Объект Декегала и провести коррекцию орбиты. Приборы показывают, что она нужна, а автоматику я отключил.

Я подошел к пульту связи и занялся ретранслятором, а Хонеб, включив все экраны и выдвинув за борт специальные установки с фото- и видеоаппаратурой, стал определять координаты ОД (так мы теперь называли Объект Декегала). Мы оба стремились избегать любых разговоров, кроме рабочих. Так было до старта с 606-й, и Хонеб показал, что он намерен придерживаться этого и впредь. Я не возражал. Самое главное - я верил Хонебу и знал, что он верит мне.

Приборы показали, что ретранслятор вышел в космос, и через несколько минут я принял его сигнал о готовности начать работу.

- Что будем передавать? - спросил я у Хонеба.

- Смотри! - ответил он.

На большом боковом экране проецировалась группа звезд. В перекрестье центра находилась большая и наиболее яркая звезда. На нижнем экране, соединенном с приборами огромной разрешительной способности, звезда превратилась в звездную туманность и ее очертания утверждали наши самые потаенные надежды. ОД являлся ПЛОСКОЙ СПИРАЛЬНОЙ ГАЛАКТИКОЙ!

- Будем будить экипаж? - спросил я у Хонеба.

- Думаю об этом, - ответил Хонеб. Немного помолчал и добавил - "γ" заставляет сделать поворот. И чем быстрее, там меньше израсходуем ресурс. Боюсь, что впереди у нас еще много неожиданностей и запасы ресурса пригодятся!

Я согласился, молча кивнув головой.

Мы заложили в альфаграмму и отправили на 606-ю все визуальные и технические данные приборов. Сообщили, что решили провести коррекцию орбиты и ответа ждать не будем. Потом подключили кибермозг корабля к автоматике и разошлись.

Уже погружаясь в сон, я услышал сигнал, возвещавший, что корабль входит в опасный для жизни режим.

6. "Говорит мне: напиши..." (Откр., 21,5)

В рубке находились Хонеб, я и дежурная команда. Не отрываясь, мы смотрели на экраны и приборы. В четырех миллиардах километров от нас находилась планетная система, которую каждый из нас внутренне мечтал обнаружить, - центральное светило и несколько планет со спутниками. "Декегал" двигался перпендикулярно к ее плоскости эклиптики. Мы насчитали десять планет.

Приборы показывали наличие Разума. Всех охватила бурная радость, затронувшая даже нас с Хонебом. Обычно немногословный Хонеб что-то непрерывно говорил, а я, пританцовывая, делал какие-то замысловатые движения, кружась по рубке.

Мы не знали всех Законов развития Жизни и Разума, но мы хорошо изучили их действие. Мы никогда не искали ни Жизнь, ни Разум ни в каких звездных системах, кроме плоских спиральных галактик, так как там их не могло быть. И никогда не искали Разум в центральных областях вновь открывавшихся спиральных галактик, так как он не мог там существовать. Нацеленные на окраинные

области ОД наши приборы показали, что Разум в ней только один - на той системе, которая была под нами.

Входить в подпространство больше было не нужно. Хонеб приказал поднять весь экипаж. Предстояло расконсервировать и привести в рабочее состояние все обсерватории и лаборатории, установить связь, проверить и отключить главный двигатель, расконсервировать и пустить планетарные двигатели.

Мы перешли в конференц-зал, куда через некоторое время начали входить все участники экспедиции. После информации Хонеба, когда схлынула волна радостного возбуждения, экипаж несколько часов адаптировался и отдыхал.

В своей командной рубке, расположенной недалеко от Главной, я по экранам и приборам отмечал ход работ и готовность нескольких групп инженеров и киберов, работавших над подготовкой к запуску главного ретрансляторного буя, проверявших двигатели, десантные боты и шлюпки.

Главное - расшифровку системы, установление исторических параметров ее образования, определение "К" цивилизации - вела команда Хонеба. Мы все с нетерпением ждали результатов их работы.

Вскоре начали поступать первые сведения. Цивилизация была очень высокой. Она вела многочисленные теле- и радиопередачи, которые принимались нашими приборами и расшифровывались. Были установлены также искусственные объекты, совершавшие автономный полет, очевидно, в целях изучения системы. Два из них покидали систему, и нам даже пришлось экранироваться, чтобы не быть обнаруженными раньше, чем нужно. Судя по объектам, техника космоплавания была еще невысокой. Проблемы и закономерности, затронутые Каром при обосновании знаменитых Принципов, были, по всей вероятности, еще неизвестны местным ученым, и даже подходы к ним еще не стояли в повестке дня планетной науки.

Родиной цивилизации была двойная Третья планета. Параметры ее биосферы были примерно равны лорийским, но она была чуточку холоднее и влажнее. Самым странным, резко отделявшим систему от того, что мы знаем, была потрясшая ее несколько миллионов лет назад космическая катастрофа, в результате которой разрушилась Пятая планета (одиннадцатая в системе), превратившаяся в кольцо осколков, двигавшихся по своей орбите. По мнению ученых, катастрофа должна была повлиять на орбиту спутника планеты Разума, приблизив его к планете. Это, в свою очередь, могло означать крушение начального этапа цивилизации с непредсказуемыми последствиями. Необычным было также неродившееся второе светило системы - гигантская планета, которой нехватило немного массы, чтобы в ее недрах развились звездные процессы. Она располагалась на орбите, следующей от светила за разрушенной планетой.

Хонеб созвал научный совет, на котором мы обсудили все, что стало известно, и разработали план дальнейших действий. "Декегал" решено было положить в дрейф на орбите планеты-гиганта, в диаметрально противоположной от планеты точке. Собственное альbedo "Декегала" было довольно высоким, и мы не хотели, чтобы на более близкой орбите он был обнаружен приборами или космическими аппаратами цивилизации. Затем было решено на разведботах изучить пространство Четвертой планеты. И, если цивилизация туда еще не добралась (по нашему представлению - не могла добраться), сделать планету базой дальнейших исследований.

Специальная группа занималась изучением и переводом теле- и радиопередач Третьей планеты. Неожиданностью оказалось наличие множества (более трехсот) действующих языков. Позже выяснилось, что языков более полутора тысяч. Были выделены семь главных, на которые настраивались компьютеры-переводчики. На планетах Объединенных Галактик в древности тоже было много языков, но постепенно выделились два, максимум три главных, которые знали все люди. На них и велись все передачи и были настроены компьютеры-переводчики других планет. Наличие большого количества языков прежде всего означало недоверие народов друг к другу и неустойчивость положения на планете. «К» цивилизации не мог быть больше 5. Так чаще всего было в цивилизациях "куинийского" типа.

Вскоре я доложил Хонебу о готовности планетарных двигателей к запуску. Хонеб приказал действовать в соответствии с программой. Астрогаторы подключили кибермозг корабля к

управлению. Я потребовал, чтобы экипаж, включив киберов, занял кресла безопасности. Прозвучала сирена, и "Декегал", развивая значительную скорость, двинулся к точке намеченного дрейфа.

Еще до начала последнего перехода был выброшен главный ретрансляционный буй. Дойдя до места и положив "Декегал" в дрейф, мы отправили в МС-Центр подробное донесение, в котором изложили разработанный нами план действий. Кроме того, мы сообщили, что наши приборы обнаружили еще несколько звездных скоплений и галактик, в том числе одну плоскую спиральную, возможно типа ДС, видимо ранее неизвестных. Однако возможностей для их отождествления и изучения у нас нет.

Через двенадцать часов мы с замиранием сердца слушали первую передачу МС-Центра. Кто мог подумать, что мы, суровые бродяги Вселенной, такотреагируем на эту передачу? Что нас коснется ностальгия? Но от фактов не уйдешь! И слушая здесь, в чужой, непонятной и настораживающей системе голос Объединенных Галактик, зная, что там прошло уже более двенадцати лет, что помощь нам оказать невозможно (мы ее просто не дождемся), я понимал, я знал, что там за нас каждый день переживают, что все человечество желает нам успехов. И теплое чувство растроганности и благодарности бушевало у меня в груди. То же самое было и у моих товарищей, судя по их торжественным лицам и позам.

МС-Центр одобрил наш план, поздравил нас с открытием Разумной системы и попросил альфаграммировать все сведения по мере их собирания. Космотрансляция не была почтой. Поэтому никаких личных сообщений не передавалось. Когда-то, на заре космоплавания, личные сообщения передавались. Как выяснилось, они только ухудшали моральное состояние экипажей. Кроме того, требовалось время (передавать, так всем, причем в обе стороны), стоило дорого, а главное - никому не нужно! Было принято решение о прекращении личных передач, кроме тех, которые найдет нужным передать МС-Центр. Это стало традицией.

На корабле полностью установилась рабочая обстановка. Хонеб и его команды готовили к запуску лабораторию и две обсерватории, а я руководил технической подготовкой к обследованию Четвертой планеты.

Я решил записать на клогер (специальный прибор-диктофон) все, что произошло, начиная с моего назначения на ДМА 606. Никто не узнает о моих записях. Пока я жив, данные клогера могут быть доступны только мне. Так уж устроен этот прибор.

7. "Что это за народ?..." (Иудифь, 5,3)

Мы высадились на Четвертой планете.

Во время обследования околопланетного пространства выяснилось, что кроме двух естественных, на различных орбитах вокруг планеты находятся еще два искусственных спутника. Кроме того, на поверхности самой планеты находились еще четыре исследовательских аппарата и странный песчаный холм, под которым приборы обнаружили большой металлический корабль межзвездного класса. Искусственные спутники были в рабочем состоянии и периодически передавали на Третью планету какие-то сообщения. Два аппарата на поверхности не действовали. Никаких сомнений в том, что они тоже запущены с Третьей, у нас не было. Разум системы проявлял к Четвертой пристальное внимание. А вот что за корабль под наметенной кучей песка, предстояло выяснить.

Однако для выполнения нашей программы Четвертая оказалась единственно возможным плацдармом, и наши отряды, экранировавшись от возможного обнаружения, начали сооружать базу.

На планете существовали примитивные формы жизни, настолько незаметные, что мы их с трудом обнаружили. Что, само по себе, являлось загадкой. Любые, даже самые примитивные формы жизни, планета иметь не могла. Она обладала слишком малой массой, никогда не имела и не могла иметь необходимой устойчивой атмосферы и биосферы с соответствующими компонентами и давлением. Обнаруженные формы жизни были явно занесены. Кем и откуда? Наши разведчики, фотографируя с турбопланов (антигравы мы решили, в целях экономии энергии, применить только на Третьей планете) поверхность планеты, обнаружили по крайней мере семь объектов, естественное

происхождение которых вызывало сомнение. Исследование всех этих проблем затягивало наши планы во времени.

Хонеб, не склонный отвлекаться от основной задачи, решил все проблемы отложить. Он мог просто приказать, но, решив предоставить всему составу экспедиции высказаться, созвал на "Декегале" научный совет. На очень бурном совещании (я на нем не был, так как находился с отрядом на Четвертой) победило, в конце концов, наше мнение. Было решено: сначала Третья планета, а потом, если будет возможность, - Четвертая. Альфаграмма со всеми материалами ушла в МС-Центр.

В изучении Третьей планеты мы продвинулись довольно солидно.

Обнаружив, что на орбитах вокруг планеты движутся сотни тел: космический мусор, работающие и не работающие искусственные спутники (в основном теле- и радиосвязь, исследование поверхности планеты), мы запустили восемь своих с направленными точечными излучателями, принимать сигналы которых могли только сами. Астрономы Третьей их, конечно, неоднократно засекали, но считали своими. И неудивительно - уничтожать или возвращать бездействующие спутники цивилизация считала, видимо, дорогим удовольствием и они становились космическим мусором. Когда мы подобрали для исследования все не работавшие аппараты на Четвертой, никто на Третьей не отреагировал.

Названий у Третьей планеты и ее спутника было столько же, сколько и языков. Но здесь мы довольно быстро выделили общепринятые, понятные всем наименования и приняли их сами. Планета называлась ГЕХА, спутник - СЕЛНА. Четвертую планету, на которой мы строили базу, геяне именовали АРС.

Вскоре мы довольно прилично усвоили политическую карту Гехи. Государств было много - несколько сотен. Существовала организация, объединяющая большинство стран, но главную роль играли ведущие державы. Они назывались Юнайтс, Бритш, Франс, Унион или Рустатия, Дачлан, Апан и Чина. Судьбы геян зависели в основном от взаимоотношений этих стран между собой.

С помощью спутников были составлены подробные крупномасштабные физические карты Гехи с обозначениями высоты горных хребтов и их вершин, глубин рек, морей и океанов. Нанесены все города и населенные пункты, вплоть до одиноких строений в безлюдных местах. Физические карты были соотнесены с картами политическими.

Транспортные средства геян отставали от наших примерно на 10-12 веков. У нас уже давно считались древними железные дороги с электро и паровой тягой, а также общественный и личный транспорт с двигателями внутреннего сгорания.

Еще нас поразило многословие в собственном имени геян. Каждый человек именовался двумя-тремя словами, а иногда в имени было полтора-два десятка слов. В нашем мире человек носил только одно имя.

Самое главное, что нас ошеломило, поставило в тупик, дошло до нас не сразу. Его жестко сформулировал Хонеб. Он внезапно созвал на "Декегале" конференцию и сказал: "Я проанализировал то, что мы сегодня знаем. Вот факты. Ученые Гехи освоили начала ядерных реакций и применили свои знания для создания смертоносного оружия. Знания геян в радиоэлектронике не намного отстают от нашего уровня. Как вы знаете, в наших мирах, даже на Куини, все эти знания появились значительно позже полного политического объединения планеты и прекращения на ней кровавых столкновений. Почему Геха стала объектом столь неравномерного и уродливого развития Разума, нужно изучить и понять. И как можно быстрее! Создавшаяся на Гехе ситуация грозит катастрофой не только геянам, но и всей Разумной Вселенной!"

Информацией о Гехе владели мы все, однако главный и бескомпромиссный вывод сделал только мудрец Хонеб. Я еще не знал о его технических открытиях, отправленных в МС-Центр (он никогда о них не говорил), но понимал, что он, мой непосредственный начальник и друг, одна из самых славных фигур современного мне человечества.

У нас было создано десять групп. Семь из них занимались проблемами главных держав, остальные три - континентальными регионами. Мы с Хонебом были освобождены от вхождения в какую-либо группу, но оба добровольно включились и в эту работу, причем, как оказалось, в группу по одной и той же стране - Рустатии. Я выбрал Рустатию, как самую крупную по территории. На

Лоре давно не было межгосударственных делений, В далекие времена страна, в которой я родился, была самой большой на планете, и это сыграло роль в моем выборе. Хонеб, больше и глубже меня разбиравшийся в духовных и политических проблемах, увидел по телевидению церемонию, в которой участвовало все рустатское руководство. И, хотя он не знал языка и пользовался только компьютером-переводчиком, вся сцена оставила у него тяжелое впечатление своей нарочитостью и гнусностью, а также какой-то вопиющей, нечеловеческой глупостью. Он насторожился и безоговорочно примкнул к рустатской группе.

Рустатия состояла из пятнадцати самоуправляющихся территорий, подчинённых единому правительству. Территории назывались республиками. Языков в стране было много. Главным был один. С его изучения я и начал. Смотрел телепередачи, работал с компьютером, вникал в идиомы, осваивал довольно трудное произношение, зубрил стихи. Как я видел, Хонеб занимался тем же самым.

Сделаю небольшое отступление. Читая то, что геяне называют "классикой" (и геянской, и переводной), я прочел переводную книгу о приключениях "бравого солдата". Я был в восторге не только от книги, но от того, что понял все оттенки сарказма, иронии и юмора. Я не просто смеялся, я хохотал до упаду над некоторыми эпизодами. Я рекомендовал книгу Хонебу, он прочел, и, судя по всему, его реакция была такой же, как моя. Автор какое-то время жил в Рустатии, был участником важных событий, а потом уехал на родину. Мы решили прочесть книгу в подлиннике и изучить язык автора. Он оказался родственным главному рустатскому и назывался "чошский".

Изучая главный язык, я одновременно изучал историю народа, говорившего на нём.

Это был большой и славный народ. Могучий и храбрый, добрый и незлопамятный. Данные по его истории были пока отрывочны. Они брались из лекций, очевидно учебных, транслировавшихся почти ежедневно по телевидению, и других многочисленных передач. Хочу сразу отметить, что имя всех рустатов состояло официально из трех слов - "имя, отчество, фамилия", но чаще употреблялись только два слова - имя и фамилия. Интересным было и пристальное внимание других государств к Рустатии, ежедневно передававших много данных по ее истории и политике. Иногда передачи, как рустатские, так и зарубежные, носили совершенно фантастический характер. Многие факты трактовались в совершенно противоположном свете, и даже машины, иногда после двух-трехчасовой обработки данных, не давали окончательного ответа, и мы получали лишь предположения.

Мы знали, что почти семь десятилетий назад в Рустатии, во время первой всемирной войны произошли две революции, причём вторую вне Рустатии называли переворотом. После переворота в стране стали строить систему, отличную от других развитых стран. Потом была тяжёлая гражданская война, короткий мирный период, и вторая всемирная война, стоившая стране неисчислимых жертв. После переворота во главе страны стоял Вул, создавший правящую партию и руководивший ею. Его объявили вождём всех трудящихся. После его смерти во главе страны стал Иост. Его тоже объявили вождём всех трудящихся и великим полководцем. Иост ввёл в стране режим жесточайшей диктатуры и уничтожил миллионы своих сограждан. Во всём мире его считали, наряду с дачланским лидером Агером, главным виновником второй всемирной войны. Сейчас свою систему в Рустатии именовали самой лучшей и прогрессивной, с чем в других государствах категорически не соглашались.

Компьютеры дали предварительно невысокий "К" народа - 4,1. Совершенно неожиданным был "К" руководителей. Мы даже перепроверяли его несколько раз. 6-10 веков назад "К" руководителей был намного выше "К" народа. Последние пять веков "К" руководителей постоянно снижался, хотя и были отдельные исключения. В настоящее время он был равен нулю. У руководителей страны отсутствовал интеллект!?

Для нас - как взрыв бомбы. Мы впервые усомнились в показаниях приборов, хотя многовековой опыт не давал ни малейшей возможности в них сомневаться. В Объединенных Галактиках люди, избравшиеся или назначенные на высшие административные посты в научных или общественных делах, имели "К" значительно, иногда в полтора-два раза, более высокий, чем остальные.

Причем, руководящий "К" в Рустатии был выше, когда правители наследовали власть. Их "К" достигал, во всяком случае был не меньше 3-4-х. Правда, и здесь были исключения. "К" одного из царей - Ива IV, был нулевым. У одной из императриц и трех императоров был не выше 1. Зато "К"

Пита I, крупнейшего реформатора средневековья, был выше 5,1, а у Аландра II, проведшего самые серьезные в истории Рустатии реформы, - выше 6. А теперь, особенно последние семь десятилетий, когда администрация избиралась, ее "К" редко превышал 1. Хонеб объяснял это безмерным обманом людей, элитарностью и корпоративностью правящей верхушки. Замкнутая в самой себе, верхушка боится допустить в коридоры власти людей деятельных и талантливых, которые ее в конце концов упразднят.

Мы с радостью констатировали, что в стране были люди, имевшие очень высокий "К". Средневековый писатель Арищев и умерший почти три четверти века назад писатель и философ Левтой ("К" не менее 7); средневековый ученый Милосов, поэт и гуманист Апушин, крупнейший естествоиспытатель недавнего времени Дмилеев и выдающийся ученый современности Ансахов ("К" - не менее 8). У очень многих деятелей в самых различных областях жизни и знаний "К" были выше 6.

Поэтому Хонеб не разрешил вставить в показатели машин "куинийский коэффициент". Он сказал, что во всем нужно убедиться самим, когда попадем непосредственно на Геху.

Мы с ним согласились.

Если вернуться назад, к периоду изучения Гехи, то обязательно нужно сказать о религии. Оказалось, что все народы планеты, несмотря на довольно высокий уровень знаний и интеллекта, являются верующими. Есть, конечно, атеисты. Во всех странах, больше всех в Рустатии. Там вообще официальный атеизм. Религиозных направлений много. Большинство народов придерживаются двух главных. Одно связано с жизнью и деятельностью почитаемого за Бога древнеиврского пророка, Иешуа, который будто бы был казнён, воскрес и существует в трех ипостасях. Разобраться в этой околесице нам ещё предстояло. Другое основано на заветах пророка-кочевника, записанных в специальную книгу чтения. Мы все стали довольно пристально изучать все, что относится к этим верованиям, а особенно "Святое Писание", состоящее из двух неравных по объёму книг: большая - "Ветхий" (Древний) Завет (Завещание), по мнению геянских ученых начата ок. 4 тыс. лет и оконченная ок. 2,5 тыс. лет назад и меньшая - "Новый" Завет, составленная ок. 2 тыс. лет назад. Заветы кочевника назывались "Кураан" и были составлены ок. 1200 лет назад. Мне особенно понравились книги "Святого Писания". Нет, верующим я не стал, книги сами содержат полное опровержение религиозных воззрений. Но это выдающиеся литературные поэмы на базе древних мифов.

Однако неожиданно в наши планы пришлось внести серьезные коррективы. Пришло предложение МС-Центра сначала исследовать Четвертую планету. Там считали, что "нельзя оставлять за спиной нерешенные проблемы. Они могут стать угрозой для выполнения целей экспедиции и жизни экипажа". Комментируя на ученом совете предложение МС-Центра, Хонеб вдруг привел рустатский афоризм. Его не понять, если не знать, что слово "сидеть" означает заключение под стражу, а слово "полицмейстер" означает чиновника, который "сажает". Итоговые слова Хонеба звучали так: "Если господин полицмейстер говорит: "Садитесь!", то как-то неудобно стоять!".

8. "Я отворил пред тобою дверь..." (Откр., 3,8)

Сначала мы начали откапывать занесенный песком корабль. Наши приборы показали, что вся хвостовая часть и энергетическая установка разрушены мощным взрывом. Мы были уверены, что этот космический лайнер не принадлежит геянам, а когда раскопали носовую часть, убедились в своей правоте. Название корабля - "Лора" - прекрасно сохранилось. И тогда, еще до того, как мы попали во внутренние помещения корабля, я и Хонеб вспомнили о нашем древнем предшественнике.

Запросить "Аххав", чтобы он поведал все, что знает, мы перед стартом не догадались. Фактически не обратили внимания на его сообщение и посчитали пропавшую древнюю экспедицию не имеющей к нам никакого отношения. А сейчас "Аххав" был для нас недоступен. Все нужно было устанавливать самим.

Прежде всего - как они ухитрились посадить корабль на Четвертой. Мы положили "Декенал" в дрейф на далекой орбите не только потому, что боялись обнаружения. Мы просто отказались решать проблему посадки огромного лайнера на незнакомую планету. "Лора" была значительно меньше "Декегала", но все равно это был космолет внушительных размеров. Судя по ровной в радиусе примерно 10 км местности, они посадочную площадку подготовили. Скорее всего положили "Лору" на околопланетную орбиту и выбросили для подготовки десант. Потом посадили корабль. Место и сегодня идеально ровное, без валунов и впадин. Прошедшие тысячелетия на нем не сказались. Только на юге большой холм от засыпанной "Лоры".

Для того, чтобы действовать во внутренних помещениях "Лоры", мы доставили с "Декегала" энергетическую установку. Затем подвели трап, и я один, во избежание неожиданностей, вскрывал входной люк. Внизу у трапа стоял в скафандрах весь научный состав экспедиции во главе с Хонебом. Шлюз-кессон у люка был закрыт, но не заперт. Я открыл его. Для осмотра внутренних помещений космолета вошли втроем - я и два моих товарища. Мы страховали друг друга, а я, как самый опытный в нестандартных ситуациях, шел первым. Прежде всего двинулись в командную рубку. Впереди полная и абсолютная темнота. Ее прорезают только мощные фонари-прожектора наших шлемов. Не видно ни стен, ни полов, ни потолков. Отходим от входного кессона и идем ощупью в черную бездну. Постепенно начинаем различать очертания предметов, не попавших в прямой луч. Находим подъемник на верхнюю палубу и спиральный трап рядом. Поднимаемся по трапу и находим командную рубку. Запорное устройство плотно закрыто, но не заперто. Я первым вхожу на командный пункт. Разрушений не видно, на первый взгляд приборы не пострадали. Что интересно, даже пыли не много, что свидетельствует о качестве переборок. Древние хорошо строили космолеты! На столе карта и стопка каких-то коробок. По радиофону советуюсь с Хонебом и учеными. Приходим к выводу, что коробки - это древние кассеты с магнитными записями на лентах. От таких записей отказались больше тысячи лет назад. От малейшего сотрясения они рассыпаются в прах. Решили, что еще два человека войдут внутрь "Лоры" и доставят специальный контейнер на воздушной подушке, куда с величайшей осторожностью нужно будет уложить все кассеты. На то, чтобы уложить и вынести кассеты, понадобилось более четырех часов. "Наука" принялась "колдовать" над контейнером, а мы из-за наступившей темноты все работы прекратили.

На следующий день мы "вчерне" осмотрели корабль. Очевидно, в его хвостовую часть попал метеорит. От удара сдвинулись внутренние переборки и некоторые крепежные узлы, но металлический сплав корабля испытание выдержал. Мы еще раз надежно перекрыли поврежденную корму, проверили все переборки и стойки, все кабели и системы, починили люк и входной шлюз. Вывели на поверхность холма запасные аварийные люки, для них в корабле соорудили три кессонные камеры. Несколько часов откачивали до полного вакуума внутренние помещения, потом закачали атмосферу и начали работать внутри корабля без скафандров. Включили энергетику. Вообще-то чудо, но почти все приборы корабля действовали. Мы их не демонтировали, оставив в качестве запасных. Полностью восстановили освещение. "Лора" стала нашим надежным штабом на Четвертой.

При обзоре сверху холм с "Лорой" напоминал человеческую голову, Запасные люки увеличивали это сходство, образуя как бы глаза и нос. За много веков холм спрессовался до монолита, и, пробираясь к космолету, средние и нижние слои его мы пробуривали "на полный серьез". Закончив все работы, мы обработали поверхность холма специальным составом. Через несколько часов он затвердел, плотно связавшись с монолитом. Очередные песчаные бури насыпали поверх нашего холма кучи песка, а затем ураган рассеивал вновь нанесенный песок, холм же оставался без изменений.

Из всех внутренних помещений корабля только одно было запечатано. Мы с почти полной уверенностью полагали, что там находятся анабиотические камеры и останки древних космонавтов. Опять я первым установил перед запечатанным люком временный кессон для страховки и вскрыл вход. Атмосфера внутри помещения практически сохранилась! Кессон оказался не нужен, я и Хонеб вошли внутрь и включили освещение. Весь зал делился на двенадцать изолированных отсеков, а посередине, в наглухо запаянных цилиндрах из древнего оргстекла, наполненных жидкостью, покоились полностью сохранившиеся тела семи космонавтов. Их имена были выгравированы на

металлических табличках, впаянных в цилиндры. Мы правильно определили, что это зал с анабиотическими камерами. Судя по их количеству, космонавтов должно было быть двенадцать. Где еще пятеро и кто они? Ответ должно было дать изучение записей.

Часть вторая

"ИЩИТЕ ПРАВДЫ..." (Исайя, 1, 17)
Габрал Старший.

9. "Не страшись..." (Иис. Нав., 1,9)

Аппаратура наших далеких предшественников абсолютно несовершенна. Многие записи безвозвратно утрачены, нет начала. Вот то, что удалось сохранить и расшифровать.

"...ничего не помню. Абсолютно ничего! Мы подлетали к "γ" "Треугольника". Сделали коррекцию и несколько часов просто отдыхали перед тем, как идти в этот анабиационный зал с клеткой для каждого и огромной анабиационной установкой, который мы именовали "инкубатором" и дружно проклинали. Я взглянул на часы. Они показывали 0-30 лорянского времени. Воображение "изобразило" всех моих, мирно спящих в своих постелях. Что произошло дальше - загадка!?"

Внезапно взревели и вдруг остановились двигатели, отключились все энергетические установки. Мы оказались в полной темноте и потеряли сознание. Когда я пришел в себя и открыл глаза, вокруг царил полный мрак. Я машинально взглянул на светящийся циферблат часов. Они показывали 0-31. Казалось, что прошла вечность, а прошла всего минута! Я попытался окликнуть товарищей. Язык не слушался. Включил вставленную в ручку кресла кнопку освещения. Вспыхнул свет, и разом заработала вся энергетика. Все мои одиннадцать товарищей в разных позах сидели в своих креслах, все очнулись и постепенно приходили в себя. В их взглядах, обращенных ко мне, был один вопрос: "Габрал, что произошло!?"

Я не знал.

Приборы показывали, что "Лора" по-прежнему мчалась с огромной инерционной скоростью, с которой мы подходили к "γ" "Треугольника". Двигатели не работали, однако приборы показывали их полную готовность к работе. Звездное небо на экранах визоров было чужим, пугающим. Через несколько часов кропотливого изучения мы, наконец, обнаружили "притаившийся" в самом дальнем уголке одного из экранов "Треугольник". До него сейчас были миллиарды километров. До подхода к "Треугольнику" мы три раза выходили из "инкубатора" и совещались. И каждый раз наши приборы улавливали искусственные радиоволны, исходившие от планетных цивилизаций. Сейчас радиогоризонт был пуст. Приборы фиксировали только естественное радиоизлучение.

Похоже, мы попали в другую Вселенную!!

Она не была Антимиром, возможность существования которого обосновывали наши теоретики. Это утверждали приборы. Это был наш Мир, но чужой.

Какая неведомая нам сила перенесла нас сюда? Что произошло, пока мы были в полной отключке, и почему остановилось время? Мы искали и не находили ответа.

Постепенно возник и стал главным вопрос - есть ли в этом Мире Разум? И если есть, то как его искать и найти?"...

10. "Не для места народ..." (2 Мак., 5, 19)

Перед этим текстом большой пропуск. Не сохранилось ничего.

"Это был высокий широкоплечий атлет лет 40-45. С копной черных волос и большой черной бородой. На висках и кончиках бороды начинала серебриться седина. Взгляд жесткий и умный. Он был главным в этом огромном, многотысячном таборе, и ему безоговорочно подчинялись. Имен у него было много. Главное, которым именовался он сам и как именовали его соплеменники, звучало как "Эврум". Меня он, в отличие от всех своих соплеменников, не боялся. И это мне нравилось. Хотя сначала он дичился.

Прошло несколько часов, прежде чем я убедился, что мне ничего не грозит, снял скафандр и шлем. И сразу пожалел об этом - меня охватила страшная жара и по телу потекли ручейки пота. Он безмерно, судя по взгляду и позе, удивился, но с достоинством подошел, ощупал мою одежду и что-то громко сказал. Потом протянул руку ощупать "стрекозу", но не решился. Повернулся ко мне, приложил руку к груди, поклонился, и что-то длинно и длинно произнес. Встал на колени и склонился передо мной. Мне стало не по себе, и я немедленно поднял его. Он страшно обрадовался, что-то громко прокричал своим соплеменникам и, не поворачиваясь ко мне спиной, приложив обе руки к груди и непрерывно кланяясь, стал отходить к своему шатру.

Местность была пустынной с очень жарким климатом. Ее пересекала широкая и могучая река, по берегам которой росли деревья и кустарники. В сущности рек было две. Вторую, значительно севернее, я видел со своей "стрекозы". Этот огромный табор передвигался очень медленно на запад по южному берегу южной реки против ее течения. Я употребляю обозначение сторон света так, как их употребляют аборигены, хотя, мне кажется, что мы на своих планетах ориентируемся примерно так же."

Большой пропуск. Вся пленка сгнила.

"Записываю сумбурно, ночью, в своей полностью изолированной палатке. Боюсь электрическим фонарем вызвать дополнительную панику среди аборигенов, не знающих других источников света, кроме очага, факела, примитивной масляной лампы или лучины. Прочтет ли кто-нибудь когда-нибудь мои записи??"

Как я сюда попал - целая эпопея!

Оказавшись в полном одиночестве, мы не впали в отчаяние. Все системы "Лоры" работали, и мы стали приходить в себя, осматриваться и вырабатывать стратегию будущего. Наши приборы показывали, что мы находимся примерно в трёх световых годах от неизвестной нам плоской спиральной Галактики. Это нас воодушевило, появилась хоть какая-то надежда! Мы направились туда, и "вынырнули" из подпространства в ее пределах. Прежде всего нужно было установить, есть ли в ней планета Разума.

Тут нам повезло. Приборы показали, что в полутора миллиардах километров от нас находится планетная система - центральное светило и десять планет, причем Третья планета была двойная! Приборы показывали наличие на ней Жизни и, следовательно, Разума, на очень древней стадии, так как никаких следов его деятельности не фиксировалось.

Для изучения Третьей мы решили сделать своей базой безжизненную Четвертую, куда и посадили свой корабль. Планета имела атмосферу, достаточно плотную для непрерывно бушевавших на ней песчаных бурь, но непригодную для жизни. Влага на поверхности не было. На полюсах - шапки застывшей углекислоты, интенсивно испарявшейся под воздействием светила. Приборы показали, что на большой глубине есть жидкость, скорее всего - вода. Чтобы добраться до нее, нужно было построить специальное сооружение. Не стали этого делать.

После очередной песчаной бури корабль так занесло, что мы с трудом из него выбрались. После этого, при очередном выходе на планету, на корабле оставались двое дежурных. Они коротким включением планетарных двигателей разметали песок и обеспечивали возвращение на корабль."

Опять большой пропуск.

"...установили, что существуют два населенных континента. Один - посередине океана и состоит из двух больших, примерно равных материков. Другой - как бы обрамляет океан с севера, состоит тоже из двух материков - одного огромного, второго, похожего на кобуру огнестрельного оружия, поменьше и нескольких крупных островов".

"...Зачатки цивилизации на Третьей существовали небольшими островками, в основном севернее экватора. Четыре наших космических бота и "стрекозы" (так мы называли свои легкие вертолеты) позволяли нам наблюдать за этими островками и даже контактировать с аборигенами. Нападать на нас никто нигде не решался. На личный контакт шли со страхом и только после того, как мы снимали скафандры

При контактах с аборигенами обоих континентов мы поняли, что они даже не подозревают о существовании друг друга, так же, как и о существовании третьего континента на Юге, полностью обледеневшего и ненаселенного..."

"...до письменности не додумались нигде, кроме четырех маленьких регионов на самом большом материке. Алфавита нет, есть иероглифография, и владеет ей небольшая группа элиты".

"...Обсуждали долго. Это была "моя зона" и до сих пор личного контакта я избегал. Почему я решился? Меня поразили повозки с колесами, на которых передвигался табор. Примитивные колеса, но колеса! Опорой повозки и осями служили три бревна, в торцы которых вбивались толстые металлические штыри. Сами колеса представляли собой почти идеальные круги из толстых досок, скрепленных металлическим ободом. В центре была обитая металлом дыра, которая насаживалась на

ось. Самое главное заключалось в том, что народы планеты, где бы мы их ни видели, колеса не знали! Наши..."

"...общаться со мной решался только Эврум. Интегральные схемы моего переводчика вначале с трудом осваивали его язык. Мы общались знаками. Я передвигался с табором, а стрекозу, к которой никто даже близко не решался подойти, тащили два вола. Через декаду я стал понимать, что говорит Эврум, а он чуть не упал от изумления, когда я, сильно запинаясь, ответил на его языке. Я от него отличался очень немногим. Мы были примерно одного роста (я был немного выше) и одного возраста. Я был белокожий блондин, а он бронзовый от загара брюнет. Еще до личного контакта я заметил, что все мужчины в таборе носили длинные волосы и бороды. Я тоже решил отпустить волосы и бороду. Так что мы оба были длинноволосые и бородатые, только он - вороной, а я - светлый. После того, как я снял скафандр и комбинезон, купался вместе с ними в реке, а потом одел подаренную мне Эврумом белую накидку, весь табор убедился, что я отличаюсь только цветом волос, ростом (я был выше всех) и физической силой - хотя все мужчины в таборе были физически крепкими, очень быстро выяснилось, что тягаться со мной никто из них, даже Эврум, не мог. Что касается цвета кожи, то все их дети рождались белокожими, и они считали, что лучи светила сделают мою кожу такой же, как у них...."

"..."Аххав" он называл "Ахве", а меня "Габрил", и считал меня его посланцем. Я его особо не разубеждал..."

"...он ложился на песок, потом вставал на колени и все время ощупывал шину и спицы. Попросил снять колесо и изумился домкрату. Изучал и ощупывал его очень долго. И понял! Понял работу винтового механизма и сам несколько раз крутил рукоятку, чтобы приподнять колесо. Когда я дал колесо ему в руки, сказал, что оно очень легкое, спросил, где берут мягкое дерево для шин. Объяснение про пластмассу он не понял и констатировал, что это дело "могущественного Ахве..."

".....память у него великолепная. Я попытался как можно доступнее объяснить ему наши научные знания о происхождении Разума. Начал с образования океана и его роли. Но он сказал, что это не "самое начало". Тогда я попытался объяснить данные науки об образовании под воздействием светила планетной системы и двойной планеты, установление нужных параметров атмосферы, появление жизни на суше в виде растительного и животного мира, появление человека. Он слушал почти две декады, все усвоил, но весьма своеобразно. Их календарь основан на обращении спутника, которого они именуют "Лауна" и очень почитают, вокруг планеты. Примерно 28-29 дней если считать по обращению планеты вокруг своей оси и вокруг светила, как у нас. Период обращения спутника делится на четыре части, и начало каждой из них связано с различными фазами обращения спутника. Эврум точно повторил мне все мои объяснения, потом спросил: "Когда "Ахве" творил мир, разве он не отдыхал?" Причем тут "Аххав" и о каком отдыхе идет речь, Эврум говорить отказался. У меня..."

".....интересно, что легенды и память об этой катастрофе сохранились у всех живущих на планете людей. У всех катастрофу "наслали" боги за людские провинности, у всех выжившие в катастрофе стали родоначальниками человечества..."

Большой пропуса.

"...Я сказал, что на Западе, у берегов теплого моря, есть большие, совершенно не заселенные пространства, где его табор может спокойно поселиться. Он ответил, что слышал об этом, потому и поднял свой народ в этот тяжелый и опасный поход, очень рад, что слухи стали истиной и что "Ахве" и "Габрил" "дарят" его народу хорошие земли. Я уже усвоил бесполезность опровержений и сказал, что люди не должны жить там, где им плохо. Не люди для места, а место для людей".

".....был изумлен своим открытием. Это были зачатки алфавитного письма и владели им почти все взрослые мужчины табора...Очевидно, они сами до такого письма додумались. Нигде на планете мы с таким письмом не сталкивались....Законами народа были записанные (выделено Габралом) обычаи..."

"....зачатки семейного права, многоженство. У Эврума несколько жен. Самая любимая - молоденькая красивая девочка по имени Сурай..."

"...Это была катастрофа!...предполагали, что, покинув Четвертую, направим "Лору" к Треугольнику, и уже в его окрестностях будем устанавливать, можем ли мы вернуться в тот мир, из

которого стартовали. Горючего и топлива хватало - ядерное практически не убывало, планетарное вырабатывалось агрегатами в космических переходах..."

"...считали, что это невозможно. Хотя атмосфера и слабая, она разрушит любое крупное тело, влетающее по орбитальной кривой с космической скоростью, а от мелких обломков спасет наш "Щит"...."

"...пришелся в хвостовую часть. Полностью разрушил ядерный комплекс, разгерметизировал корабль. Большинство отсеков центральной и носовой части мгновенно среагировали и изолировались, но семь наших товарищей погибли. Отремонтировать разрушения своими силами мы не могли. "Лора" лишилась возможности покинуть Четвертую. Пострадали запасы планетарного горючего. Энергетику мы восстановили, работал "Инкубатор". Похоронили товарищей и долго совещались. Энергетика "Инкубатора" должна была периодически пополняться в ходе работы космических двигателей. На сколько ее хватит при их отключении - не известно. За несколько часов до прекращения подачи энергии "Инкубатор" автоматически выведет всех из анабиоза. Мы решили пробыть в "Инкубаторе" до прекращения подачи энергии. Правда, была опасность еще одного метеоритного удара, но не попадает же снаряд дважды в одну воронку. Потом мы вернемся на Третью и примем положенное нам Судьбой!"

".....сидели молча на командном пункте "Лоры". В последний раз. Без скафандров и комбинезонов. Горючее перекачали в наши четыре бота. На одном из ботов установим центр связи, и пока он работает, будем знать друг о друге и в случае чего - поможем. Сюда мы больше не попадем - не хватит горючего. Свои записи оставляю на капитанском столе. Командный пункт изолирую. Привет тому, кто прочтет!"

Часть третья

"ДА БУДУТ ОЧИ ТВОИ ОТВЕРСТЫ..." (3 Царств., 8,29)
Габрал Младший.

11. "Знаю твои дела..." (Откр., 2,19)

Это все, что удалось восстановить и расшифровать.

Через декаду все, что сохранилось и поддавалось расшифровке, было прочтено. Стало ясно, что пятеро космонавтов во главе со своим капитан-командором покинули Четвертую и завершили свой жизненный путь на Третьей. Мы знали их имена и имели точный голографический портрет каждого. Узнаем ли мы их судьбы?!

Полное визуальное описание наших действий с комментариями, расшифрованные тексты, имена космонавтов, были альфаграммой переданы в МС-Центр. Хонеб созвал на "Лоре" совещание.

Вопросов было огромное количество, но главным был не дававший всем покоя вопрос: каким образом экспедиция, стартовавшая примерно полтора тысячелетия назад, оказалась на Гехе на почти три тысячи лет раньше своего старта?!!

Хонеб сказал: "Уже почти два тысячелетия человечество изучает Вселенную, оторвавшись от своих планет и пробив себе дорогу в Космос. Были сделаны величайшие открытия, созданы десятки тысяч все более и более совершенных приборов и аппаратов. Но до конца исчерпать все сведения о Доме, в котором мы живем, очевидно невозможно. Они неисчерпаемы!. Мы стремимся, иногда длительное время, к разгадке какого-либо явления, как будто бы разгадываем его, и в этом процессе получаем новые, абсолютно неожиданные и непонятные проблемы, которые вновь предстоит решить. Наверное, это и есть путь развития Разума. Непознаваемого во Вселенной нет ничего, есть лишь непознанное. Я думаю, если бы процесс мог завершиться, Вселенная прекратила бы свое существование. Пример - наша экспедиция. Мы открыли новый, неизвестный ранее "отсек" Вселенной, наших собратьев по Разуму и нашли пропавшую экспедицию. И одновременно мы получили готовый ответ на один из главнейших вопросов естествознания - возможна ли обратимость Времени? Сейчас, впервые за всю историю Цивилизации, мы можем утверждать - Да! Возможна! Но как, каким образом это произошло - полная неизвестность, тьма! Я уверен, что все наши вопросы переданы "Аххаву". Будем ждать ответ. А пока выскажу свое предположение. Оно расходится с нашими сегодняшними представлениями о состоянии материи во Вселенной. Я никому о нем не сообщал и вам говорю первым. Я думаю, что космолет коснулся внешнего фронта гравитации неизвестной "Черной дыры", промчавшейся в тот момент в нескольких парсеках от "γ" "Треугольника" и срикошетировал от нее. Огромная инерционная скорость "Лоры", только что "вынырнувшей" из субпространства, спасла ее от черной бездны, зато отбросила назад по стреле времени. Давайте рассуждать!"

Мы "рассуждали" целую декаду. Никто не сомневался, что мы имеем дело с феноменом, давно предсказанным учеными и фантастами. Стартовавшая полтора с небольшим тысячелетия назад экспедиция должна была достичь Гехи в эпоху, которую геяне называют "Раннее Средневековье". А попала на нее на две с половиной тысячи лет раньше, в самое начало исторической эпохи, которую значительная часть геян именуется "библейской". Мы уже достаточно хорошо ориентировались в истории Гехи и почти сразу определили, что главный персонаж древнего капитан-командора является значимой фигурой "Древнего" Завета и "Кураана". Эврум - фигура для геянских историков религии абсолютно мифическая. Историки сходятся на том, что если он существовал, то в конце III - самом начале II тысячелетия до Новой Геанской Эры. Для нас Эврум перестал быть мифической фигурой.

Мы не знали сколько лет, а может быть веков, космонавты находились в "Инкубаторе" и когда они вновь оказались на Гехе. Наши специалисты выдвинули по этому поводу десятки гипотез о возникновении религиозных верований геян. Представитель группы, изучавшей континент, который геяне именуют "Новым Светом", сказал, что теперь ему понятны легенды, существующие у всех аборигенных народов континента. Легенды о золотоволосых высоких атлетах, явившихся с неба и ставших богами местных племен. Такие же легенды существуют у многих народов континента, который геяне именуют "Черный", сказал представитель другой группы. Но самые ожесточенные споры шли о библейских персонажах и библейской истории.

Некоторые наши ученые предположили, что многие эпизоды древней книги связаны с участием в них пятерых оставшихся в живых древних космонавтов, что, в свою очередь, дало начало

многим религиозным легендам. Хонеб подытожил: "Я не стал бы утверждать, что все религиозные представления геян произошли под влиянием "людей с неба". Вспомним наши миры. Никаких людей с неба не было, а религии существовали. Но в наших мирах я не помню нигде монотеистических религий. На Гехе их три. Причем высшее существо для всех трех - одно. Религии различаются только канонами и обрядами служения этому существу. Вот здесь, возможно, наш древний космонавт сыграл определенную роль! Попадем на Геху, будем разбираться!".

Стало понятно также происхождение некоторых низших форм жизни, которые мы обнаружили на Четвертой. Их занесла древняя экспедиция и, возможно, аппараты геян.

12. "Построим себе город и башню..." (Быт., 11,4)

"До переворота, возвестившего "Новейшую Эру", в ханабол в Рустатии практически не играли.

После переворота, впопыхах, стали составлять Команду. Решили, что Начальник Команды будет должность формальная, Он возглавит избранную публикой "Говорильню" и не даст ей вмешиваться в дела Команды. А все дела Команды будет решать Капитан. Тренеров еще не было, и каждый играл в своем стиле постольку, поскольку он не мешал Капитану. Чтобы успокоить публику, "Говорильня" была объявлена Высшим органом и помещена на главной трибуне, на центральном месте под тентом.

Вскоре выяснилось, что "Говорильню" можно вообще не избирать, а назначать. Для этого были введены так называемые "библейские выборы" (привел Бог к Адаму Еву и сказал: "Выбирай себе жену!"). С тех пор "Говорильня", хотя и существовала на прежнем месте под различными наименованиями, в жизни Рустатии никакого значения и влияния не имела.

Капитаном стал ВУЛ. Коренастый, плотный, подвижный, он мог играть на любом месте. Считал, что главное - умение играть головой. По этому принципу подбирал Команду. Не полностью, но кое что ему удалось. Правда, в игре головой сам ВУЛ допускал колоссальные ошибки, а его приятели по Команде иногда вообще били не в ту сторону, но их всех отличало похвальное стремление научиться.

Начальником Команды стал ЮК. Туповатый парень, больше умевший отбирать мячи у своих, чем у противника. Поскольку Команда только-только вышла на поле, это его качество еще не было замечено. Играть головой не умел никогда, однако поначалу выявил железную хватку и мнимую принципиальность.

Точно таким же был ГЕЗ, сначала ближайший приятель ВУЛА, а потом ЮКА. Он был только более злобным и вовсе тупым. Потому его и не поставили сразу в Команду, но он много в ней значил. Он мог лезть напролом и, помогая Капитану, орать на всех на поле.

За что их двоих и держали.

Когда ЮКА через две недели пришлось прогнать, начальником стал ЯМС. Этот чахоточный малый умел играть головой, был коварен и жесток. Его побаивался даже ИОСТ (о нем речь впереди).

Вскоре ЯМС помер от чахотки. ВУЛ, намучившийся с ЮКОМ и ЯМСОМ, понял, что Начальником надо назначать "серого лаптя". Нужно только, чтобы разума, чести, а особенно - совести, у него начисто не было. И назначил МИКИНА.

С тех пор только "микины" всегда назначались Начальниками.

ВУЛ, ЮК, ГЕЗ, МИКИН и вся Команда была из общества "боки", которое создал ВУЛ. Тогда обществ было много. Кроме "боков" были "меки", "лесы", "прасы", "кеды", "ктябы" и полсотни других, более мелких. Чтобы удержаться, надо было играть. Как выяснилось уже позже, к разумной и нормальной игре "боки" были неспособны, да и никогда к ней не стремились. Для них самое главное было не быть, а казаться. То есть игра на публику, что было и является до сих пор их основной сутью.

Право начать формирование Команды "боки" завоевали при помощи "лесов". Но благодарности к ним отнюдь не испытывали и при первой же возможности всех их **исключили** (из живых, разумеется).

Объявив, что главное для них - сосилистические принципы, "боки" сразу же стали их насаждать. Прежде всего, они объявили себя самыми нужными для рабочей публики (или "трудяг", "пролейтеров", как они эту публику именовали), самыми умными, стойкими, организованными, а главное - самыми понимающими и дальновидными. Нужно прямо сказать, что мыслительный уровень "боков", когда они создавали Команду, был гораздо выше, чем сейчас. Но, все равно, и тогда они состояли в основном из персон, по сравнению с которыми царь Аландр III Роман, по отзывам современников - человек "ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования", был Академиком!

"Боки" объявили всю Рустатию заповедной территорией и торжественно заявили, что в кратчайший срок создадут на ней эталон человеческого счастья. Многие из них считали, что счастье начнется прямо с момента переворота, некоторые полагали, что дней через пять, через месяц. Ну а с тех, кто говорил, что нужно подождать год-два, готовы были спустить шкуру.

"Лесов", поскольку смотрели на них косо и считали, что они играть как следует не умеют, в Команду сначала не взяли, хотя объявили ее сборной.

В воротах встал ЛЕВТ. Он неплохо играл головой, успешно отбивал атаки противника и каждый пас стремился превратить в начало атаки своей команды. Интересы публики не ставил ни в грош. Единственный старался быть, а не казаться. Был "плазменным" революционером и считался первым помощником Капитана, хотя его борода "буланже" многим не импонировала.

Опорным защитником стал ФЕДИНСКИЙ. Считался "несгибаемым" революционером, отличался неприхотливостью и честностью. Черствость и крайняя жестокость иногда сочетались в нем, впрочем крайне редко с приступами гуманности, особенно по отношению к детям-беспризорникам. Ни в какой "сосилизм" никогда не верил, ненавидел ЛЕВТА, что послужило основой его дружбы с ИОСТОМ. Был опытным провокатором. Играл в Революцию и, пользуясь огромной властью, уничтожил сотни тысяч людей, большей частью ни в чем неповинных. На поле его боялись все - и свои, и чужие.

На правый край поставили АИРА. За давностью лет многих сведений о нем не сохранилось. Был большой любитель выпить, вследствие чего в игре ориентировался слабо и был готов подставить ножку любому, за что впоследствии и пострадал.

Левым защитником стал ГИОЛ - сероватый мужик, стремившийся, но не умевший играть головой. Порученный ему участок (техническое название - правопорядок) был наиважнейшим. Ни он сам, ни те, кто его ставил, никогда этого не понимали. Да и до сих пор не понимают. Поэтому на его участке и произошел прорыв и, поскольку закрыть его никогда не пытались, сегодня он развивается по экспоненте.

Все остальные играли в полузащите и в нападении.

Из полузащитников выделялся АЛГАВШ. Это был здоровенный детина, не пивший и не куривший, но в свободное время не дурак пофлиртовать со свободной от работы девицей (слово "дамы" после переворота было отменено, регистрация браков - тоже). Он стремился играть головой, но у него там были такие завихрения, что толку от его игры было мало. Считал себя представителем "трудяг", играл слева, хотя команда именовала его правым.

Другим полузащитником был ИОСТ. Ему была поручена особая задача.

Дело в том, что "боки" исповедывали религию, которая называлась "карлымарство". Сами "боки" называли ее наукой, причем самой главной из всех наук. На самом деле это была придуманная КАРЛЫМАРОМ и его приятелем ФЕНГОМ наукообразная помесь религии с экстремизмом. В ней, упомянутые КАРЛЫМАР и ФЕНГ, раздраконив всех ученых и мыслителей до себя и всех своих современников, объявили себя единственными носителями истины, причем практически во всех областях человеческих знаний и деятельности. Вкратце основные положения "карлымарства" сводились к тому, что самый важный на Гехе - это рабочий люд, и что так было во все времена (т.е. физический труд был важнее умственного). Поэтому все должно принадлежать тем, кто это фактически сделал своими руками. Например: пуанты - белошвейке, театры - бригадам строителей, синхроциклотрон - бригадам металлургов и монтажников. Пелась такая песенка: "...Заводы, фабрики, палаты - все нашим создано трудом! Пора! Мы требуем возврата того, что взято грабежом!". Когда рабочий люд все отберет, на старушке Гехе воцарится рай и молочные реки

потекут в кисельных берегах. Вообще, такие моменты, когда кто-то что-то у кого-то отбирал и рекой лилась людская кровь, КАРЛЫМАР и ФЕНГ называли "локомотивами истории" и призывали невежественный, в основном, рабочий люд поверить в свою "историческую" миссию (т.е. в коллективное мессианство). Всем народам они предсказывали неизбежную ассимиляцию. Себя КАРЛЫМАР и ФЕНГ объявили космополитами.

ВУЛ объявил себя самым главным "карлымарцем" на Гехе, распушил всех остальных так, что от них только перья полетели, и создал рустатскую модель "карлымарства". Причем от религии в этой модели осталось только одно - отобрать ВСЕ!

Потом ВУЛ заявил, что "карлымарство всесильно, потому что оно верно!" Следуя той же логике, можно сказать, что верно оно постольку, поскольку всесильно. Собственно, для того, чтобы "карлымарство" в вуловском толковании было всесильно, и создавалась команда.

На территории вновь созданного комплекса (в просторечии - ВУЛОДРОМА), кроме главной нации, жило много "инородцев" (так их именovala главная нация и ее лидеры). Для успешного развития "карлымар-вуловства" им были предоставлены равные права на ассимиляцию. Для этого нужно было сломать их национальные особенности, религию, обычаи, возможности, и нивелировать всех. То же самое относилось и к главной нации. Ей-то досталось больше всех.

Ее попытались заставить все забыть. Один карлымар-вуловец всю ее историю, перевернутую до неузнаваемости, изложил в труде, размером с записную книжку. Были разрушены, разграблены и опоганены большинство храмов, являвшихся зачастую выдающимися произведениями древней архитектуры. Заодно с храмами уничтожалось духовенство. Грабили, рушили и другие здания, принадлежавшие "классовым врагам". Уничтожались выдающиеся художественные произведения - памятники, поставленные деятелям прошлого, "князьям и царям". По той же логике следовало бы разрушить знаменитые Пирамиды, колонну в столице Бритша, столп в центре старой столицы Рустатии, да и сам Кремник. В учреждении под названием "Сохран" и в других, подобных ему, национальное достояние - произведения искусства, ювелирные украшения, иконы (в том числе - масса древних), валялись навалом, продавались за бесценок иноземцам, превращались в груды металлического лома и труху. Были опоганены и разрушены могилы национальных героев МИНЫ и ПОЖАРА, генерала БАГРОНА, смертельно раненного в величайшем сражении на флешах и похороненного на поле боя. Был разграблен и разрушен Храм, воздвигнутый в честь победы народа в Отечественной войне, и на его месте сделали лужу для купания. И так далее. Можно привести еще десятки тысяч других примеров. Преподносилось все это, как отказ от "гноусного" прошлого, как стремление добиться равного для всех развития и называлось - "пролейтерский интернацикллизм".

Пришло время и "бокам", оказавшимся в крайней опасности, понадобилась мощная поддержка народа, над которым они как хотели надругались. И тогда эти "самые истинные на Гехе карлымар-вуловцы" запели другие песни. Они объявили себя главными наследниками и защитниками того, что прежде опоганили и растоптали. Народ они **корчевали** по-прежнему - и тех, кто верил в их преображение, и тех, кто не верил. Только теперь все сопровождалось безудержным квасным "патриотизмом" и национал-шовинизмом. Так все идет и сегодня.

Среди инородцев были самые ненавистные подавляющему большинству современных "бокских" функционеров, тайных и явных полицейских и золотопогонников, инородцы. Их называли "жады". Это была старая "болячка" Рустатии, принесшая ей много бед. Не в силах выдумать что-либо новое, "боки" стали разыгрывать старую карту и объявили "жадов" действительными или потенциальными врагами "карлымар-вуловства" и Рустатии, хотя среди "боков" "жадов" было много. Сам КАРЛЫМАР (он жил немного раньше и на другой территории) был из них. Что касается Команды, то из пятнадцати ее деятелей ЮК, ГЕЗ, ЯМС и ЛЕВТ были "жадами". У ВУЛА один дед был "жадом", другой - из "занюханых" инородцев. Остальные были рустатами, за исключением ИОСТА.

ИОСТ считался в Команде специалистом по "пролейтерскому интернацикллизму" и имел авторитет по этому вопросу. Играл он тонко и незаметно, не выпендривался и пока на первые роли не лез. Он был тоже из инородцев, но из "благородных". Говорил медленно, глухо, с большим акцентом и без бумажки говорить не умел. ВУЛ и ЛЕВТ чувствовали, что за его невзрачной, рябой и

усатой внешностью скрывается омут дьяволиады. Они даже не догадывались о его патологическом антижадизме и великорустатском шовинизме.

Ведомство по "интернациклизму" и было поручено ИОСТУ. ИОСТ сыграл в Команде и Комплексе чрезвычайную роль. Поэтому о нем нужно сказать еще несколько слов.

Обладая моралью и этикой амбарной крысы, он был послан к "бокам" их врагами, так называемыми "охранниками" и, вкуче с ними, действовал в своем Загорье против тамошних "боков". (В Загорье они назывались немножко по другому, но все равно были "боки"). Он, например, соорудил подпольную типографию, о которой знал весь город, кроме тамошней полиции. Совершал другие "подвиги". "Охранники" очень хотели, чтобы ИОСТ стал лидером местных "боков". Для этого пару раз арестовывали местных лидеров, кроме ИОСТА. Его все равно не выбрали, да и подозревать стали. Особенно когда в Загорском замке ни за что, ни про что убили ЛАДЮ. Тогда ИОСТА арестовали вместе со всеми и сослали в далекий и холодный край территории. А потом организовали побег. Для придания большего правдоподобия ИОСТУ, при переправе через Реку, облили полушубок водой и пустили в село, чтобы он сказал, что провалился в прорубь и еле-еле выбрался. Поверить в такое могли кто угодно, только не местные жители. Учитывая мощь Реки, стремительную силу ее течения и местные условия, они-то знали, что попасть в прорубь и выбраться из нее без посторонней помощи невозможно.

Однажды, вместе с известным загорским гангстером КАМЮ, лугинским бандитом ВОРОМ ЕВШИЛЫМ и еще несколькими разбойниками, ИОСТ организовал "экс" (экспроприацию) - ограбление государственного казначейства. Он думал, что сумма будет маленькой и "шефы" простят ему это проявление самостоятельности. Сумма неожиданно оказалась огромной. ИОСТ решил, что расправа неминуема. Будучи парадоксальным трусом по природе, он запил (он и в дальнейшем не раз прибежал, в тяжелые моменты, к такому верному средству). Скрывался он тогда в доме одного присеванского семейства, примыкавшего к "бокам". Они, чтобы помочь ему бежать за рубеж, достали даже паспорт какого-то дяди - "фарсийскоподданного. Гроза пролилась мелким дождичком. Шефы решили, что игра стоит свеч (т.е. денег. Тем более, что вся сумма состояла из крупных купюр, номера которых были переписаны. Деньги нельзя было истратить ни в Рустатии, ни за рубежом. Их пустили в оборот только после переворота.).

Ко всеобщему удивлению бандитов, убивших больше десятка человек днем на площади большого города, царская полиция "не нашла"! ИОСТА арестовали, судили и отправили в ссылку сосем по другому поводу и сейчас же устроили побег. Впоследствии, чтобы убрать сей "досадный" эпизод из своей "выдающейся" биографии, ИОСТУ, ставшему руководителем страны, пришлось срочно **исключить** КАМЮ, перевести в подтрибунные помещения и постепенно **исключить** все присеванское семейство, вместе с притесавшимся к ним одним прибалтором..."

Приборы записывали передачу, в которую был включен этот остросатирический рассказ, а мы с Хонебом напряженно ее слушали. Передачу вела не рустатская радиостанция. И, судя по тому, что значительные радиосилы Рустатии были пущены на ее глушение, было ясно, что рустатское руководство не хочет, чтобы население слушало эту передачу.

Неожиданно, к нашему сожалению, передача оборвалась. Вышел из строя передававший ее спутник. Пока мы налаживали передачу с другого спутника, она кончилась.

Я смотрел, как Хонеб мерил шагами рубку. "Мне кажется, Габ, что мы даже не представляем себе, как там плохо - сказал он - на Геху нужно попасть как можно скорее!"

13. "Не оглядывайся назад..." (Быт.,19,17).

Дальнейшие исследования на Четвертой Хонеб прекратил и приказал сосредоточить все усилия к подготовке высадки на Третьей.

На "Декегале" осталась только дежурная команда. Вся экспедиция собралась на Четвертой. Мы подготовили десять катеров по числу групп изучения. Наготове были два легких космических крейсера со специальными командами. Это была мощная группа поддержки - при необходимости она могла укоротить любые вооруженные группы геян, независимо от их численности, количества и качества технических средств. Они оставались на Четвертой - Хонеб считал, что экранировать их полностью невозможно и на орбите около Третьей геяне их быстро обнаружат. Крейсера могли прийти на помощь в течение геянских суток. И еще Хонеб сказал: "Помощь крейсеров будет означать, что экспедицию постигла полная неудача!".

Наша группа готовилась к высадке на территории Рустатии. Из радио- и телетрансляций мы знали, что там каждому необходимо иметь какой-либо подтверждающий личность документ, выданный специальной государственной службой. Если человек не военнослужащий, у него обязательно должны были быть **паспорт и прописка**. О чём речь - мы понятия не имели. Предполагали, что это какой-то метод тотальной слежки за согражданами. Как в нашей древней истории.

Главой Рустатии был некий Либрев. Он занимал высший государственный пост, одновременно носил непонятное прозвище "генсек" и имел высшее воинское звание. Все гнусные и дурацкие сцены по телевидению были связаны с ним. Персональный К Либрева был ниже нуля. Каким образом он руководил огромной страной было непонятно. Разобраться во всем можно было только в самой Рустатии.

Второй вопрос касался всех групп - где и как произвести высадку?

После всестороннего обсуждения решили, что высаживаться будем около крупных городов. Там много людей и транспортных средств. Нас будет невозможно быстро вычислить и обнаружить. Мы экранируем катера и совершим посадку в предрассветные часы в каждой зоне. А дальше каждая группа будет действовать по обстоятельствам. Катера останутся на Гехе, мы их как сможем замаскируем, и на них будет постоянное дежурство.

Третий вопрос - как одеться? По внешнему виду и физическим данным мы от геян практически не отличались, но наша одежда сразу бросалась в глаза. Сделать геянскую одежду мы не могли, ее надо было раздобыть на Гехе. Сцены покупки одежды в магазинах мы много раз видели по телепередачам. Мы только не знали, что такое деньги, как сделать, чтобы онигодились для магазина, в который мы придем, и главное - как их раздобыть? Решили, что для первого выхода все наденут сшитые нитками рабочие комбинезоны (они на Гехе применяются повсеместно), под ними утеплитель, а на тело от ног до горла - плотно обтягивающую тончайшую невесомую сеть из специальных материалов. Она должна предохранить нас от огнестрельного, холодного и химического оружия геян. Наши умельцы сказали, что по телеобразцам сумеют быстро соорудить такие же, как у геян, комбинезоны и сапоги из твердых тканей.

Оружия мы с собой не возьмем. Хонеб сказал, что разрешение любой проблемы с помощью нашего оружия - провал экспедиции. Самое легкое - связь между нами. Она осуществлялась мгновенно через спутники и базу на Четвертой.

На всем северном полушарии Гехи стояло лето. Летосчисление большинство геян вело от легендарной даты рождения новозаветного персонажа Иешуа, о котором я уже говорил. Год они делили на 12 периодов - месяцев (видимо по названию и обращению спутника). Сейчас был июнь 1980 года. В столице Рустатии готовилось большое торжество - Всемирные Олимпийские Игры, о них шло множество сообщений и передач. Судя по всему это были всепланетные спортивные соревнования, победители которых пользовались большим почетом.

Мы решили произвести высадку близь столицы - Маквы.

Настал день стартов. На Четвертой начинался очередной песчаный ураган. Мы с Хонебом, отправив все группы, с двенадцатью товарищами через шлюз прошли в наш катер. Я смотрел в иллюминатор и вдруг прошлое стало всплывать в моей памяти. И Мара, ее шаги, смех, слезы и прощальные слова. Я почувствовал, что подошел к моральной грани, которую надо преодолеть. "Ты размяк, - сказал я себе, - немедленно прекрати! Все, что у тебя есть - впереди, куда с космической скоростью мчит наш катер..."

14. "Они едят хлеб беззакония..." (Притч., 4,17)

Мы приземлились перед рассветом в большом лесном массиве около одного из главных аэропортов столицы. У нас аэропортов давно не было, как и неуклюжих летательных средств (как их называли геяне - самолетов). Были космопорты, десятка полтора-два на каждой планете. А наши персональные летающие аппараты могли взлетать и садиться где угодно и специальных устройств или территорий не требовали.

Вышли из катера. Скафандров и дыхательных приспособлений не взяли, все были одеты в комбинезоны. Было тепло, дышалось легко и свободно. Двинулись к трассе, находившейся неподалеку. Подошли к опушке, и в нескольких метрах от нас наши визоры обнаружили мужчину в военной форме. Мы с Хонебом сразу определили, что это полицейский, которого здесь называют "милиционер". Рядом с ним на обочине стояло небольшое транспортное средство с полицейскими знаками. В нем находился еще один милиционер.

По трассе в двух противоположных направлениях двигался небольшой поток транспорта. Геяне называли такой транспорт автомобилями или просто - авто, а в Рустатии еще тачка или машина. Вдруг милиционер поднял руку с полосатой короткой палкой, остановил одну из машин, подошел к дверце и о чем-то поговорил с водителем. Водитель, не выходя из машины, протянул какие-то бумажки. Милиционер поднял руку с палкой к козырьку и что-то сказал. Машина рванулась дальше по трассе. Вскоре такой же эпизод повторился с другой, затем с третьей машиной.

Хонеб сказал, что во всем непонятном надо разбираться сразу же. Мы с ним, включив антигравы, переправились метров на пятьсот за поворот, а наши товарищи остались на прежнем месте. Через визоры мы видели абсолютно такой же четвертый эпизод с машиной. Жестом, известным мне по телеку, я попытался машину остановить, но она промчалась мимо. Я сказал товарищам, что если нам с Хонебом удастся остановить машину, то мы уедем на ней, а они должны вернуться к катеру и ждать.

Через час на мой сигнал отреагировал водитель девятой машины. Он остановился и опустил стекло. Я спросил, довезет ли он нас до города.

- Сколько? - сказал водитель.

- Что сколько? - не понял я.

- Сколько заплатишь?

Я стал припоминать, что это означает, и понял.

- Мне нечем платить - сказал я.

- Иди пешком, козел! - сказал водитель с яростью - Только время отнимаешь!

И рванул с места.

Хонеб расхохотался, однако моей беседой остался очень доволен. "Пойми, Габ, ведь это же первый контакт! А главное - вы отлично поняли друг друга!"

Я сказал, что водителя надо чем-то заинтересовать, чтобы он согласился нас посадить в машину. Мы решили предложить наручные часы. У геян таких наверняка не было. - их трудно было повредить, а микроскопическая атомная батарейка обеспечивала их нормальный ход практически неограниченное время. У нас другое исчисление времени, но часы можно было настроить как угодно. Все наши часы были настроены на рустатское исчисление времени и могли идти неограниченно долго, астрономически точно показывая секунды, минуты, часы, дни, месяцы, годы, учитывая высокосные изменения.

Остановить удалось только двенадцатую машину. Водитель, совершенно седой мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, спокойно открыл дверцу.

- Вам куда? - спросил он.

- В город! - я знал, что название города в таком диалоге пропускается.

- Садитесь!

- Нам нечем платить, - сказал я, - мы хотим предложить Вам часы.

Я протянул ему часы. Он их как-то безразлично взял, посмотрел, вдруг преобразился и стал с необычайным интересом со всех сторон их рассматривать. Оторвался, посмотрел на нас, сказал:

- Чего ж Вы не садитесь?

- Значит, договорились? - спросил я.

- Да!

Мы сели на заднее сидение, и машина тронулась. Хонеб продолжил разговор.

- Что от Вас хотел этот милицейский? - спросил он.

- Да так, обычный хапуга, - ответил водитель - останавливает машину, к которой можно придаться, и обирает водителей. Щелкает по десятке.

Мы с Хонебом переглянулись. Слово "хапуга" мы вообще не знали и не поняли, что такое "щелкает по десятке". Но общее понимание, подкрепленное презрительным тоном водителя, было.

- Вы хотите сказать, что он нарушает Закон? - спросил Хонеб.

Водитель откровенно рассмеялся.

- Какой Закон! - сказал он - Никаких законов гаишники не соблюдают. Они уже давно полные бандиты и грабители. Свое прямое предназначение - наладить, помочь движению транспорта, обеспечить безопасность, они выполнять не хотят, да и не умеют. А вот грабят мастерски! Да и вообще, вся милиция развалилась!

- Над ними кто-то же есть, кто-то же их контролирует. - спросил я.

Водитель не ответил. Он задумался. Потом решительно сказал:

- Главный руководитель милицейского ведомства - Нищев - и есть главный бандит и убийца. И все подчиненные ему службы, за очень небольшим исключением, берут с него пример. Вообще, вся правящая клика с октябрьского переворота семнадцатого года никогда никаких Законов не соблюдала, даже своих собственных! А сегодняшнее собрание старперов во главе с Либревым просто ведет страну в пропасть!

Хотя попадались непонятные слова ("старперы", например), суть мы поняли.

- Почему вы их не прогоните? - спросил Хонеб.

Водитель помолчал. Потом сказал:

- Хотите анекдот? Царь Аландр III, вступив на престол после убийства отца, объезжал строй солдат и многим задавал вопрос: "Ты мог бы поднять руку на Государя?". Получал четкий ответ: "Никак нет, Ваше Величество!". Доехал до барабанщика-кантониста. Обычно это местечковый мальчишка еврей - из них набирали кантонистов. Аландр спросил: "Ты мог бы убить Царя?" Барабанщик взмахнул палочками и ответил: "Из чем? Из барабаном?"

И засмеялся. Мы тоже улыбнулись. Смысл дошел, но, что смешного, мы не поняли.

- А Вы нас не боитесь? - спросил Хонеб.

- Нет! - ответил водитель - Грабить у меня нечего, да и вы не похожи на грабителей, и трасса оживленная, и гаишник рядом. А потом - вы иностранцы и не очень твердо ориентируетесь в наших делах. Потому и доноса на меня не напишите. Вы меня не знаете, а я вас. Встретились и разошлись!

- А почему Вы считаете нас иностранцами? - спросил я.

- Во-первых, - часы. Я таких не видал, даже импортных, и не представляю, как ими пользоваться. Во-вторых, - явный акцент, вы слишком правильно произносите слова. В третьих, ваша одежда и обувь, у нас так не делают. И еще - вы не шпионы, они гораздо лучше подготовлены и таких проколов не допускают. И последнее - я уверен, что у вас нет никаких документов. Кто вы?

Водитель свернул на обочину и заглушил двигатель.

Я решил, пусть отвечает Хонеб, и посмотрел на него. Хонеб пару минут молчал, потом сказал: "Вы очень хорошо видите! У нас действительно нет документов, нет денег, и мы действительно не отсюда. Объяснить Вам все я не могу. Я прошу поверить - мы Вам не враги, и не причиним Вам ни малейшей неприятности!"

Водитель несколько минут молчал. Потом, видимо решив что-то, сказал: "Моя наблюдательность от моей профессии. Я - юрист, адвокат. Защищаю в суде проворовавшихся хозяйственников и незаконных торговцев, которых у нас именуют спекулянтами. Суда у нас никакого нет и никогда не было. Все подсудимые считаются виновными, независимо от того, виновны или нет они на самом деле. Наказание определяет прокурор, а судьи только штампуют его решение. Моя задача - доказать прокурору, что вина моего подзащитного не так велика, как ее описывает милиция. Часто мне это удается. Никогда не имею дел с бандитами и убийцами. Платят мне неплохо - видите, тачку купил, вот этот автомобиль".

Он замолчал и пару минут барабанил пальцами по рулю. Потом продолжил: "Перед Олимпиадой строгие порядки. У въезда в город пост ГАИ, вас не пропустят и задержат. В город вам надо идти пешком, и то осторожно. Вам необходимо купить простые комбинезоны и обувь. Это недорого. А часы возьмите - платы мне не нужно, как ими пользоваться, я не знаю, а они очень дорогие".

И он протянул часы Хонебу.

Хонеб часы не взял. Он молча продемонстрировал их возможности и показал, как ими пользоваться. Потом сказал: "Если они дорогие, дайте нам сколько-нибудь ваших денег и скажите, где и как можно приобрести то, о чем Вы говорили. И еще - я и мои товарищи категорические противники такой системы власти, как ваша. Отвечаю откровенностью на откровенность. В отличие от вас, мы вашей власти не боимся, она против нас бессильна!"

Водитель не ответил - он внимательно занимался часами, несколько раз сказал: "Ого!" Полез в карман пиджака, достал бумажник, вытряс из него бумажные деньги и монеты, протянул Хонебу и сказал: "Все, что у меня есть!". Помолчал и добавил: "Не советую вам самим куда-нибудь ходить. Ждите меня завтра на этом же месте, в это же время!"

15. "Скажи мне, брат, из какого ты колена?..." (Тов. 5. 11)

Водитель уехал. Мы с Хонебом перепрыгнули через канавку и сели прямо на траву. Хонеб вытащил из кармана платок и аккуратно положил на него сжатые в кулаке деньги. На двух одинаковых бумажных купюрах были надписи "Двадцать пять рублей", на одной - "Десять рублей", еще на одной - "Пять рублей" и на двух - "Один рубль". Из четырех металлических монет на двух значилось "Двадцать копеек", на одной - "Пятнадцать копеек" и на большой желтой - "Пять копеек". Что можно было на них приобрести, мы понятия не имели.

И вдруг мы оба как бы очнулись! Хонеб вскочил на ноги, я никогда не видел его в таком возбуждении. Он сказал:

- Габ! Ты понимаешь, что произошло?! Мы первыми вступили в контакт с геянами, остальные группы пока еще не решились! Но главное - не кто первый. Главное - мы все поняли и нас поняли! Это же люди! Люди! Такие же как мы, но неизвестные человечеству! Мы все первооткрыватели, и что еще ждет нас впереди?!

По геянскому календарю было 24 июня 1980 года.

Хонеб дал команду всем собраться у катера, мы включили антигравы и через минуту были среди товарищей. У всех было какое-то радостное возбуждение, и мы никак не могли сосредоточиться на обсуждении предстоящих дел. Наш первый контакт видели и слышали все наши группы на Гехе, база на Четвертой и на "Декегале". С "Декегала" доложили, что альфаграмма уже ушла в МС-Центр. Наш контакт показал, что языкового барьера не должно быть и Хонеб предложил всем группам действовать смелее. Потом мы стали обсуждать свои проблемы.

Мы с Хонебом обязательно пойдем на встречу с нашим нечаянным попутчиком. Я считал, что он был с нами предельно откровенен, несмотря на явную опасность таких откровений в его стране, и Хонеб был со мной согласен. Так что провокаций мы не ждали, да и не боялись их. Наш катер геяне пока не обнаружили. Мы решили ничего не предпринимать и ждать завтрашнего дня.

В назначенное время мы с Хонебом вышли к дороге. Машину увидели еще издали, она шла по противоположной полосе движения, но нас водитель несомненно видел. Тем не менее он, не сбавляя скорости, проехал за поворот и умчался. Мы ждали. Минут через десять машина подъехала к нам с противоположной от города стороны, по нашей полосе и остановилась.

Водитель вышел из машины. С другой стороны, опираясь на палку, вышел высокий седой мужчина. Двигался он с трудом. Я сразу определил правосторонний парез. Подошли к нам.

- Жорж Юнг - представил водитель.

Мы знали, что нужно протянуть и пожать руку и назвать свое имя.

- Хонеб - пожал руку Юнгу мой друг.

- Габрал, можно просто Габ - повторил его жест я и повернулся к водителю:

- А с Вами мы так и не познакомились!

- Александр, можно Алик - сказал водитель и мы обменялись рукопожатиями.

Юнг, опираясь на палку, пристально рассматривал нас.

- Кто вы? Только не врите, тогда я вам поверю!

К такому разговору мы были готовы.

- Если Вы знаете и разделяете взгляды Алика, то, судя по всему, мы с Вами единомышленники - сказал Хонеб - а для выяснения всех других вопросов мы бы хотели предложить вам обоим прогуляться с нами по лесу на противоположной стороне дороги. Мы ни в малейшей степени не причиним вам никакого вреда! Вы можете в любую минуту отказаться и уйти. Но нам очень бы хотелось совершить с вами такую прогулку!

Они оба несколько минут молчали. Потом Алик сказал:

- Когда мы сюда ехали, мы вас видели. Проехали дальше, чтобы посмотреть нет ли рядом гаишников. Их нет. Но по шоссе регулярно ездят патрули. Стоящая на шоссе машина без водителя их сразу заинтересует, и они начнут выяснять, куда делся водитель. Мы сейчас проедем вперед, там в полукилометре - закусочная и автостоянка. Мы оставим там машину и вернемся пешком. Вы нас подождите, Юнг ходит медленно.

Они ушли. Хонеб сказал:

- Они еще раз хотят обсудить, можно ли нам верить! Они придут, я почему-то в этом уверен!

Через полчаса Алик и Юнг показались из-за поворота. Мы с Хонебом перешли на другую сторону дороги и вскоре они присоединились к нам. Мы вместе двинулись к катеру. После долгого и тщательного обсуждения накануне, мы решили такой шаг сделать. Никаких осложнений мы не боялись. Если мы увидим, что контакт с этими людьми нам не нужен, мы его прервем и переведем катер в другое место, а им все равно никто не поверит.

Едва мы углубились в лес, как Алик остановился.

- Дальше я не пойду, и через полтора часа буду ждать вас здесь! - сказал он - У вас есть возражения?

Хонеб улыбнулся, и я его понял. Обсуждая накануне контакт с геянами, мы договорились общаться только на их языке, чтобы избежать излишних подозрений. Хонеб тогда сказал: "Если они не дураки, то один из них останется у дороги!" Он, как всегда, оказался прав.

- Возражений нет! - сказал он - Только добавим еще полчаса на всякий случай!

Оба геянина ответили согласием. Мы помогли Юнгу перебраться через небольшую канавку и двинулись дальше. Он шел молча и ничего не спрашивал. Когда мы вышли к катеру и нас встретили наши товарищи, Юнг остановился и, опираясь на палку, внимательно все осмотрел. Потом вдруг сказал:

- Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

И заразительно расхохотался. Мы тоже заулыбались, хотя причины его веселья не поняли. Он спросил:

- Я могу войти внутрь?

Хонеб сделал приглашающий жест. Мы вошли в катер. Юнг опять внимательно все осмотрел, подошел к трапу на второй ярус, остановился и задал вопрос в лоб:

- С какой вы планеты?

16. "Так и условились..." (Тов., 5,17)

Мы ожидали любого вопроса, но не этого!

На несколько минут воцарилось молчание. Я оценивал ситуацию: оба наших первых, совершенно случайных, "контактника" оказались людьми чрезвычайно наблюдательными и явно имели высокий интеллект. Особенно Юнг, спокойный, не испугавшийся неизвестности и державшийся независимо. И тем не менее его вопрос был ошеломляющим! Мы точно знали, что геяне, по крайней мере последнее тысячелетие, не сталкивались с инопланетным разумом, хотя его существование предполагали некоторые ученые и писатели-фантасты. На Гехе много говорилось об НЛО (Неопознанных летающих объектах). Существовало даже целое направление - уфология, но

наукой оно не стало - серьезная проверка опровергала уфологические "факты". Практически все ведущие ученые планеты в НЛО не верили. Юнг понял все сразу и безоговорочно!

- Почему Вы считаете, что мы с другой планеты? - спросил я.

Юнг повернулся к Хонебу, правильно приняв его за старшего.

- Или мы будем откровенными друг с другом, или я уйду!

- Мы не ждали этого вопроса - откровенно сказал Хонеб - любого, но не этого! Я готов на него ответить и отвечу. Однако сначала вопросы к Вам. Так можно?

- Спрашивайте!

- Если мы действительно инопланетяне, то есть абсолютные чужаки, почему Вы не боитесь нас, не опасаетесь за судьбу своей страны, своей планеты?! Вам все это безразлично?

Юнг ответил, практически не раздумывая:

- Интеллект, преодолевший межзвездные пространства, не может быть агрессивно опасен другому разуму, интеллекту. Для агрессии не нужно преодолевать тысячи световых лет, можно найти объекты рядом. Я в этом убежден и потому вас не боюсь!

И опять мы не поняли все дословно, но вполне поняли смысл. Хонеб подошел к Юнгу и протянул ему руку. Это было крепкое и искреннее рукопожатие.

- Я не могу сказать, с какой мы планеты, - сказал Хонеб - но не потому, что это тайна. Просто мы с разных планет.

Юнг молча обдумывал сказанное. Потом спросил:

- Можно я сяду?

Сидение, которое я немедленно поставил около Юнга, материализовалось как бы из ничего. Для нас это было обычно, но Юнг медлил. Он, казалось, усомнился, можно ли такому сидению доверять. Потом решился и сел.

- Ваш ответ ошеломил меня не меньше, чем мой вопрос вас! - сказал он - Значит, во Вселенной есть по крайней мере несколько разумных миров, связанных между собой!?

Хонеб ответил утвердительно, четко и коротко объяснив, что такое Объединенные Галактики. На более подробное объяснение не было времени - Алик мог поднять тревогу. Юнг согласился и встал.

- Вы никуда не ходите, одежду мы доставим вам сюда. Вы все владеете рустатским?

- Чем рустатским? - спросил Хонеб.

- Языком, конечно. Просто в разговорной речи мы этого слова не употребляем. И еще я уверен, что вы понятия не имеете о ненормативной лексике, которая у нас, к сожалению, звучит повсеместно.

- Я не понял, что такое ненормативная лексика и что такое повсеместно.

- Повсеместно означает везде и всегда. Лексика - словарный запас языка. Ненормативная - значит нелитературная. Я понятно говорю?

- Пока да!

- Так вот, ненормативная - это ругательства и так называемая "феня", то есть язык уголовников. Употребляют эту лексику большинство народа, вплоть до высших руководителей страны.

- Сейчас все понятно. Только кто такие уголовники?

- Люди, совершившие уголовные преступления - убийцы, бандиты, воры...

- И руководители страны говорят на их языке?!

- Да! Получилось так, что люди, которым поручалась борьба с преступниками, не сумели обучить их нормальному языку, и приняли, вплоть до высшего руководства их полуязык! А впрочем, все правильно - наши правоохранители и руководители сами уголовные преступники!

- А Вы сами употребляете такие слова?

- А как же! С волками жить...

- По волчьи выть! - закончил фразу Хонеб - Этот оборот мы знаем!

- Я должен записать примерные размеры нужной вам одежды и обуви, мы все приобретем и принесем вам.

Хонеб достал деньги, которые нам дал Алик, и протянул Юнгу. Юнг улыбнулся:

- Оставьте их себе, мы справимся сами.

Мы с Хонебом проводили Юнга к месту, где ждал Алик и договорились, что через день будем ждать их здесь же. Они ушли.

17. "И при смехе иногда болит сердце..." (Притч., 14,13)

Мы пока никем не обнаружены. Вывод простой - люди, которые были обязаны нас обнаружить, не хотят и не умеют нести службу. Через день мы встречали Юнга и Алика. Они опять проехали мимо нас, вернулись по противоположной полосе, на наших глазах развернулись и встали рядом. Из машины вышли Алик и молодая женщина, которая помогла выбраться Юнгу. Алик удивленно, как будто в первый раз, посмотрел на нас, потом сказал:

- Давайте быстренько перетащим все, что мы привезли, за кусты. Потом я поеду и поставлю машину на стоянку. Приду пешком, вы меня обязательно подождите!

- Обязательно! - ответил Хонеб.

И он, и я смотрели на женщину. Она, не скрывая острого любопытства, смотрела на нас. Это была совсем молодая девчонка, чуть больше двадцати лет. Нам она показалась ослепительно красивой. На ней была снежно-белая трикотажная рубашка с короткими рукавами и брюки (мы выяснили, что их называют джинсы) в обтяжку. Вся одежда подчеркивала ее очень ладненькую фигурку.

- Моя ученица и самая надежная помощница. Ее зовут Геля. Я верю ей, как себе! - сказал Юнг.

Мы быстро перенесли нетяжелые тючки из багажника, и Алик уехал. Хонеб вызвал подмогу. Два наших товарища, внезапно появившиеся на маленькой полянке, вызвали предостерегающий возглас Гели:

- Здесь чужие!

Как я заметил, она совсем не испугалась, выпрямилась, сжала кулачки и приготовилась к любым неожиданностям. Я позавидовал Юнгу - она явно готова была защитить его любыми средствами. Мы объяснили, что это наши товарищи, дождалась Алика и двинулись к катеру.

В катере, пока мы все передевались, Геля и Алик буквально ощупали все, что было доступно, поднялись в командную рубку и осмотрели систему управления.

- Я никак не могу вбить себе в голову, что вы не люди! - сказала Геля, спустившись из командной рубки, - То есть (она покраснела от смущения) я неправильно выразилась! Вы, конечно, люди! Но вы не геяне! У вас, как говорят наши ученые, другой генотип и другая ментальность! Вы самые страшные чужаки, которых только может представить себе любой геянин. И я до сих пор не решила, бояться мне вас или нет!

- Ты что? Мысли читаешь? - Алик говорил серьезно, не улыбувшись - Ты сказала то, что я думаю! Юнг уверен, что вы не враги, - это Алик говорил уже нам - а я не знаю!?

- Мне все понятно - сказал Хонеб - хотя я не понял, что такое генотип и ментальность, но общий смысл ясен! Я попробую рассказать вам, кто мы, как у вас говорится, из какого мы теста. Я правильно привел идиому?

Больше двух часов Хонеб говорил. Его перебивали, переспрашивали. Чаще всех Геля. Он рассказал, как создавались Объединенные Галактики, кто такие Кар, Эсклиб и Ламброс, что значило открытие Декегала, как была организована экспедиция и как мы оказались на Гехе.

Мне показалось, что трое геян, слушавших Хонеба, не были ошеломлены, хотя то, что он говорил, было для них чистой фантастикой. Слушая, задавая Хонебу вопросы и получая его четкие ответы, они решали для себя главную проблему: верить - не верить. Постепенно напряженность стала исчезать.

- Вы много видели и знаете! Мир, Вселенная - безгранична, необъятна и многообразна! А где же в ней место для Создателя, для Бога? - задала вопрос Геля.

- Геля - верующая - сказал Юнг - она считает, что Геху создал Бог. Он же создал для Гехи ее окружение, т.е. Вселенную!

- Не язвите! Ну, пожалуйста, не язвите! - Геля взяла Юнга за руку и повернулась к Хонебу, напряженно ожидая ответа.

- Ответ на вопрос - когда была создана наша Вселенная, мы знаем. - сказал Хонеб - Ей примерно двенадцать с половиной миллиардов лет назад в вашем исчислении. Объяснять, как это вычислили ученые, нудно и долго. Просто поверьте мне. Это не научная гипотеза, это установленный наукой факт. Вопрос - кем она была создана, то есть личность, точнее, объект, фигуру создателя, мы давно не рассматриваем, поскольку это сверхестественная сила и энергия, которых в природе не существует. А вот на вопрос - как была создана наша Вселенная, убедительного ответа до сих пор нет. Вся суть в том - имела ли Вселенная начало, поскольку в Природе все, что имело начало, имеет конец. Ни одна из существующих сегодня гипотез возникновения и жизни Вселенной меня не убеждает!

- Хонеб - один из самых выдающихся ученых, известных всему человечеству, - вклинился я в монолог Хонеба. Он жестом прервал меня, но сразу же заговорила Геля.

- Значит, вы все отрицаете существование Бога, создателя и покровителя Разума, защитника и надежду человечества?

- Сначала я хочу внести предложение, - сказал Хонеб - у нас нет множественного числа при обращении к другим. Если можно, давайте не будем применять, как у вас принято, множественное число?

Все трое геян ответили согласием. Хонеб повернулся к Геле:

- Я не знаю, удовлетворит тебя или нет то, что я скажу, но я готов отстаивать, применяя все знания, достигнутые человечеством, и факты, свою точку зрения и опровергнуть все, что не соответствует науке и природе! Я, мои товарищи, практически все человечество, вся наука, отрицают возможность существования любой личностной сущности, которая могла бы создать Вселенную и управлять ею! Колоссальные расстояния в миллиарды световых лет делают нашу Вселенную для такого существа микромиром, с которым оно связаться не может. Так же, как мы не можем связаться с атомами и микрочастицами, из которых состоим мы сами и все нас окружающее. Очень возможно, что каждая из частиц микромира сама является Вселенной с разумным содержанием, но несопоставимость расстояний и времени делает связь с этим Разумом невозможной! Ваши же религиозные представления вообще примитивны! Обращение "Господи! Иже еси на небеси..." уже сегодня вызывает у большинства ваших современников скептическую улыбку - они же знают, что никаких "небеси" не существует.

- Вы очень убедительны... - начала Геля.

- Мы договорились не применять множественного числа! - прервал ее Хонеб.

- Мне это трудно, но я попробую! Твое выступление, конечно, не укрепляет мою веру, но и не заставляет меня отказаться от нее. Мне трудно с тобой спорить, и я не стану этого делать. Я хочу, если это возможно, свести тебя со специалистом по вопросам религии, с теологом, и в качестве третейского судьи решить, кто из вас прав!

- Что такое "свести"? И кто такой "третейский судья"?

- "Свести" - значит заставить спорить, - вмешался Юнг, - А "третейский судья" - слушатель спорящих сторон, оценивающий их доводы и делающий на этом основании свои выводы.

- Это как Фемида в древней мифологии?

- Практически да. Ты блестяще подкован в языке и знаниях истории!

- "Подкован" - это идиома?

- Да! Но ты же понял ее смысл!

- Понял!

- Я предлагаю закончить дискуссию на религиозные темы - сказал Юнг - и перейти к практическим вопросам!

- Мы все переоделись и внешне от вас не отличаемся. - сказал я - Но в город поедем пока только я с Хонебом. Так мы договорились. Алик! Мы все пятеро влезем в твою машину?

Алик засмеялся.

- Нет! Вы все-таки ужасно наивны! Любому геянину, особенно менту, через две минуты станет ясно, что вы отличаетесь от нас, как небо и земля! Кроме того, у вас же нет документов, а сейчас, перед Олимпиадой, менты зверствуют во всю!

- Кто такие "менты" и что такое "зверствуют во всю"?

- Наверное это опять идиомы - неожиданно вмешался Хонеб - "Менты" - это полицейские, а "зверствуют во всю" - значит сильно придираются! Я прав?

- Точно! - сказал Юнг.

Я уже давно знал, что Хонеб мудрец и может мгновенно решить довольно сложную проблему. И все же я невольно подивился, как быстро он осваивал идиоматику чужого языка в живой беседе. Что касается троих геян, то, судя по их позам и мимике, их удивление было очень большим. Хонеб быстро завоевывал уважение, авторитет и первенство.

- Давайте сделаем так - сказал Хонеб - вы нам покажете, какие нужны документы, а мы попытаемся их скопировать и приспособить для себя!

Юнг на несколько минут задумался. Мы ждали.

- Наши документы вам не подойдут! - наконец сказал он - Вы явные иностранцы!

- А если они станут эстанами или латанами? - сказала Геля.

Юнг опять задумался. Я смотрел на него со все возрастающим уважением. Он стремился просчитать возможные, непонятные для нас, варианты и не допустить досадного провала на мелочах.

- Это опасно! - сказал Юнг - Сейчас сюда собрали большое количество милиции из других республик. Среди гаишников и патрульных может оказаться эстан или латан и заговорить с ними на своем языке, а они вряд ли знают эстанский и латанский!

- Мы знаем чошский! - сказал я.

- Это подходит! - медленно сказал Юнг - Давайте сделаем так. Если пройти дальше через лесок, будет небольшой поселок. К нему можно проехать другой дорогой. А то боюсь на трассе мы уже примелькались и нами заинтересуются. Мы с вами сейчас пройдем туда и посмотрим, где встретимся. Мы приедем туда через день, послезавтра. А пока я не советую вам далеко отходить от корабля!

- А если мы будем вынуждены уйти отсюда - спросил я - как вас найти?

- Вы знаете, что такое наш телефон?

- Конечно, мы можем включиться в любую вашу линию связи.

- Тогда я дам вам номер телефона, и вы сообщите для передачи мне все, что сочтете нужным.

- У тебя нет своего телефона? - удивился Хонеб

- Есть, но он наверняка прослушивается! - ответил Юнг.

- Тебя в чем-то подозревают?

- Я ивр, то есть жад по местному оскорбительному прозвищу. А в этой стране все ивры под подозрением!

- А Геля, а Алик?

- Они не ивры, но они мои друзья. И их телефонами наверняка интересуются.

- Такая система во всех государствах Гехи?

- Нет! В западных странах континента и за океаном такая система отсутствует, ее там никогда не было. Там просто намного выше культура. А политика государственного антижадизма и слежки за гражданами существует только в нашей стране и в некоторых ее сателлитах!

- Так почему вы не уедете в другую страну?

- Прежде всего потому, что Рустатия - моя страна, и я хочу, чтобы люди в ней жили нормально. Кроме того, уехать из страны невозможно - не выпустят.

- Даа... - протянул Хонеб - весело у вас. Я правильно сказал?

- Правильно! - улыбнулась Геля.

- Несколько дней назад мы слышали радиопередачу, где были мысли, очень похожие на твои, Юнг!

- Это передавали мою статью под псевдонимом.

Мы все уставились на Юнга. Хонеб сел.

18. "Сражусь с ними мечом уст моих..." (Откр.,2,16)

Через день мы с Хонебом, Гелей, Юнгом и Аликом, который вел свое авто, ехали в город. Не по трассе, а в обход. Как сказал Юнг, "на всякий случай!". Юнг привез документы чошского журналиста и мы для себя изготовили по ним паспорта, удостоверения и аккредитации. Вся троица их придирчиво проверяла, вооружившись нашими приборами, и посчитала, что обнаружить подлог можно только, запросив Чохию или пограничный контроль, чего проверяющие наверняка делать не будут. Мы с Хонебом стали чошскими журналистами. Вопрос с деньгами решился проще. Алик предложил: если мы сумеем сделать из желтого элемента-металла, очень ценимого на Гехе, несколько простейших вещиц, - продать их в так называемой "скупке". У Гели и Алика было по две--три таких вещицы (цепочка, кулон, корпус от часов и пр.). Мы изготовили, а Геля и Алик в нескольких скупках их продали. Получилась солидная сумма.

Пока ехали, часа через два, захотели поесть. Алик сказал, что по пути есть небольшой загородный ресторанчик, где хорошо готовят. И тут начались, как говорят на Гехе, разные "нестыковки". Хонеб задал простейший вопрос, который нам раньше и в голову не приходил.

- А из чего вы готовите пищу?

- Мы любим мясные и овощные блюда, хорошо заправленные, ну и некоторые молочные тоже, - ответила Геля.

- Что такое "хорошо заправленные" и "мясные"?

- Нормально посоленные, поперченные, с хорошим соусом, а мясные - из мяса домашних в основном животных: коровы, барана, свиньи, птицы.

Хонеб побледнел, а я почувствовал, как ком подкатывает к горлу.

- Вы что, убиваете и съедаете животных и птиц? - спросил Хонеб.

- А вы, - вопросом на вопрос ответила Геля, - вы что, не едите мясную пищу?

- Мы уже несколько веков не употребляем животных в пищу - усилием воли Хонеб успокоился - мы вообще насильственно не лишаем жизни ничто разумное и живое!

- Я так и думал! - Юнг обернулся к нам с переднего сидения - Вы белковую, или, по-нашему, мясную, пищу создаете искусственно!?

- Да! И мы ее делаем значительно вкусней, качественней и полезней мяса убитых животных. Для нас есть мясо животных все равно, что людоедство!

- Но вам все же придется есть мясо - не отрываясь от дороги, сказал Алик - не станете же вы голодать!

- Ты знаешь, - я с трудом говорил, борясь с тошнотой, - я даже не смогу войти в помещение, в котором воняет жареным животным! Мы совсем не подумали о пище, нам надо было взять свою, у нас ее много.

- Ну и как прикажете вас накормить? - спросил Алик.

- Вы можете есть птичьи яйца? - дополнил вопрос Юнг.

Что это такое, Хонеб сообразил сразу, я - секундой позже.

- Некоторые любители, как у вас говорят, экзотики, употребляют их в пищу, - сказал Хонеб - Я не пробовал!

- Рискнете?

Хонеб посмотрел на меня. Я сказал:

- Давай попробуем!

Машина остановилась у ресторанчика. Трое геян вошли в помещение, через минуту Геля вернулась.

- Там хорошо проветрено и ничем не пахнет, - сказала она, - мы решили есть то же, что и вы. Пошли со мной!

Мы все сели за один столик. Молодой мужчина в белом пиджаке принес нам на картонных тарелочках жареное кушанье, обильно посыпанное травой. Мы съели, мне понравилось. Хонеб сказал: "съедобно!". Мужчина в белом пиджаке спросил: "Кофе подавать?". Геля ответила: "Принесите нам чашки, чайник с крутым кипятком и сахар!". "Понятно!" - сказал мужчина (Геля назвала его официант) и принес высокий металлический кувшин с черной ручкой, керамические

чашки и сосуд с белыми кубиками. Геля достала из сумки стеклянную банку с каким-то коричневым порошком, всыпала его в каждую чашку, кинула туда по два белых кубика и залила кипятком. Геяне стали размешивать напиток, мы с Хонебом последовали их примеру. Напиток был ароматный и крепкий. Я такого удовольствия давно не получал. Хонеб сказал: "Замечательно!"

- Это всего-навсего растворимый кофе! - сказал Юнг - Вот дома Геля сварит вам настоящий, тогда будете хвалить!

В машине, когда мы, перекусив, двинулись дальше, Хонеб наконец задал Юнгу вопрос, которого я все время ждал.

- А если власти узнают, что ты автор этого бескомпромиссного обличения? Я правильно сказал?

- Правильно! Меня отправят на "Ложбинку", где сначала искалечат, а потом убьют!

- Что такое "Ложбинка"?

- Одна из улиц в центре города. Когда после переворота в Кремник из Питбурга переехало правительство, одно из зданий на Ложбинке отдали управлению самой могущественной организации боков - тайной полиции. Начал ее создавать еще в Питбурге один из бокских вождей и героев - Фединский. Его "героическое служение", "честность" и "принципиальность" являются главной составной частью бокских мифов. На самом деле он хладнокровный палач, убийца и провокатор, полный вурдалак! Он, правда, не воровал государственных средств, но ведь честность заключается не только в этом! На самом деле Честь, Совесть, Человеколюбие у него, как и у Вула, отсутствовали полностью. Иост, боявшийся его, сумел много лет назад переправить Фединского в лучший мир. А его организацию взял в свои руки. С тех пор эта организация подчиняется лично лидеру боков. Сейчас она занимает несколько кварталов вокруг Ложбинки и является законченной мафиозной кликой, бандой лишившихся человеческого облика преступников, и не только в своей стране, но и во всем мире!

- Что такое "вурдалак" и "мафиозная клика", я не знаю, но суть я понял! - сказал Хонеб - А ты их не боишься?

- Вурдалак - мифическое существо, питающееся человеческой кровью, а мафиозная клика - это преступное сообщество, банда! По сути твоего вопроса - я устал бояться и буду драться с ними всеми доступными средствами, хотя на победу не надеюсь!

Геля придвинулась к Юнгу, положила голову на его плечо и обняла его сзади. Я понял, что она будет с ним до конца, что бы ни случилось, позавидовал, и сразу перед глазами встала Мара. Я почувствовал, что все куда-то уплыло, понял, что надо немедленно взять себя в руки, и стал массировать лицо ладонями. Предстояло пройти первый контроль - показался пост ГАИ.

19. "Не бойся ничего..." (Откр., 2,10)

"Испытание" наших документов прошло, как сказал Алик, "без сучка и задоринки"! Мент (так они его называли) внимательно рассмотрел наши документы, сверил с фотографиями, отдал нам и сказал: "Проезжайте, добро пожаловать!"

Когда мы въехали в город, уже стемнело. Улица широкая, но слабо освещенная. В конце улицы сделали разворот и проехали тоннель.

- "Садовое Кольцо" - сказал Алик - только не ищите сады, их нет! Просто так называется кольцевая улица. Раньше посередине были бульвары, их выкорчевали.

Мы поехали на квартиру Алика. Юнг объяснил, что все родичи Алика живут на даче, рассказав, что такое дача. Алик в квартире один. Мы никому не будем и нам никто не будет мешать. Мы проехали вдоль фасада длинного четырнадцатизэтажного здания, свернули под арку и въехали во внутренний двор. Я заметил в середине двора очертания нескольких деревьев. Уже утром, выглянув из окна, я увидел во дворе маленький садик с травяными газонами, 10-12 деревьев, довольно

высоких, несколько скамеек и какие-то устройства. Геля, стоявшая рядом, пояснила, что это место для отдыха пожилых людей и игр детей.

Помещение, которое занимал Алик, находилось на шестом этаже и состояло из шести отсеков и двух коридоров. От пола до потолка около трех метров. Называлось - трехкомнатная квартира. Одна комната побольше, две поменьше, один отсек - кухня и два маленьких - ванная и туалет. Когда мы прошли по всему помещению и осмотрели его, Юнг сказал:

- По нынешним временам это шикарное жилье. У Алика семья четыре человека - он с женой и двое детей, мальчик и девочка. Родители Алика живут за городом, где сейчас и пребывает вся семья. Вы несколько дней поживете здесь. Вам нравится жилье?

Мы с Хонебом поблагодарили, сказали, что жилье нравится.

- Я понимаю, - сказал Юнг - что у вас есть свой план действий. Зачем-то же вы оказались здесь, за миллионы световых лет от дома. Я уже говорил, что убежден - у вас никаких коварных умыслов против геян нет и быть не может. И все же я бы хотел откровенной беседы и обсуждения. Но не сейчас. Мы поужинаем, как мы традиционно ужинаем с гостями, а завтра серьезно побеседуем!

- Запротоколировано! - сказал Хонеб - Я правильно выразился?

Геяне заулыбались. Я уже перестал удивляться способностям Хонеба - надо же вытащить из своей памяти такое слово!

На ужин, из солидарности с нами, геяне никаких мясных продуктов на стол не поставили. На столе посередине стояло большое металлическое блюдо с высокими стенками. По нему мы усвоили еще одно слово: "сковородка". В нем шипело что-то красно-желтое и распространяло аппетитный аромат. Кроме этого на столе стояло несколько стеклянных и глиняных сосудов, на которых лежало что-то съестное, нам не знакомое. Стояли пять тарелок со столовыми приборами и стеклянные сосуды - "рюмки" (тоже новое слово в нашем словаре).

"Главная" повариха Геля разъяснила:

- Все, что я буду вам называть, это не мясные продукты, а растительные - овощи. Я отварила молодую картошку, потушила на растительном масле в сковородке лук и морковку, потом нарезала туда капусты, помидоров, зелени, посолила, поперчила, потом кинула туда картошку и залила яйцами. Вот это (она указывала на каждый сосуд)-соленые огурцы, это - они же маринованные, это натертая на терке вареная свекла с чесноком, это - сырая морковка, тоже натертая и тоже с чесноком, это - соленые грибочки, а это - сыр. Полное вегетарианство!

- Что это такое? - спросил я.

- На Геке много людей вообще не потребляют мясную пищу. Они называются вегетарианцы.

- Значит мы на Геке не одиноки?

- Далеко нет!

Юнг налил в рюмки прозрачную коричневатую жидкость. Я сказал, что мы много раз видели фильмы из геянской жизни, особенно про Рустатию. Слова "вино" и "водка" существуют почти в каждом эпизоде. Мы поняли, что это специальные напитки, действующие на нервную систему и головной мозг. На наших планетах существует нечто подобное, но употребляется очень мало. Про курение я впервые услышал только здесь. Мы с Хонебом "веселящих" напитков не пробовали никогда. Вообще в космической службе они не то, чтобы запрещены, просто не употребляются.

- Это очень хороший коньяк - сказал Юнг - попробуйте по глотку! Потом мы фундаментально займемся гелиной готовкой и запьем хорошим кофе.

Я глотнул. Не могу передать свои чувства. Очень вкусный крепкий напиток, и возникло ощущение, что меня что-то приподняло над столом. То же самое было и с Хонебом. У него заблестели глаза, и он как-то развернулся в сторону хозяев. Геля сказала:

- Возьмите сыр, он очень подходит к коньяку!

Потом мы съели всю Гелину готовку. Геля объясняла, что такое овощи - картошка, морковка, лук, но мы не слушали объяснений, усиленно работая вилками и челюстями. Геля принесла кофе. Я пил маленькими глотками, и мне казалось, что ничего более вкусного и тонизирующего я в своей жизни не пробовал.

Разговор начал Юнг.

- Так за каким чертом вы сюда прибыли и что вам нужно?

- "За каким чертом" - это очевидно "зачем", - сказал Хонеб, - тогда начнем сначала!

Хонеб вновь, подробно, изложил историю создания и жизнь Объединенных Галактик. Сказал, что каждая вновь открытая Плоская спиральная Галактика с планетой Разума является мировой сенсацией. Наши имена давно известны во Вселенной, так же как имена первооткрывателей Гехи, а через несколько часов всему миру будут известны имена и дела наших трех хозяев-партнеров и их изображения. Рассказал о планете Куини и о нерушимых принципах невмешательства в жизнь планеты. В любом случае вооруженное вмешательство исключено.

- А разве не вы первооткрыватели? - спросил Юнг.

- Нет, - сказал Хонеб и рассказал все, что мы знаем о нашем предшественнике.

- Он что? Лично знал Авраама? - задавая этот вопрос, Геля была возбуждена до необычайности.

- Гелинька! Вопрос еще надо хорошо изучить! - сказал Юнг - Что ты так разволновалась?

- Это Вам все равно! А я убедилась, что в "Ветхом Завете" не все вранье, как утверждают атеисты и Вы в частности!

Юнг подошел к Геле и обнял ее. Геля прижалась к нему.

- Гелинька! Я никогда не говорил, что "Ветхий Завет" - сплошное вранье. Это выдающийся и один из самых древних исторических источников. Я всегда говорил о другом!

- Не надо! - сказала Геля - И зажала ему своей ручкой рот. Юнг взял ее ручку обеими руками и с жаром поцеловал. А я в очередной раз позавидовал.

- И все же здесь, в стране, вам приходится непрерывно опасаться преследований и фактически все делать втайне, - заметил Хонеб.

- Я, как могу, пытаюсь преодолеть это положение, вы уже заметили! Но опасаться необходимо! Главным образом не за себя, а за нее (он кивнул в сторону Гели), за Алика и еще нескольких человек, не умеющих и не могущих противостоять нашему тоталитарно-фашистскому режиму!

- Я немного Вас понял. Я хочу вам сказать, пока мы здесь, не опасайтесь никого! Мы всегда придем к вам на помощь, и довольно действенно!

20. "Город был пространен и велик..." (Неемия, 7,4)

Мы были в шоке и изумлении. Я по три часа дважды сидел в картинной галерее, собранной и подаренной городу почти сто лет назад богатым и щедрым купцом (так здесь называют людей, занимающихся оборотом товаров) у огромного полотна, где Иешуа выходит к людям. В другом музее не мог оторваться от статуи иврского царя, победившего великана. Имена художника и скульптора запомнились мне навсегда. Я еще не знал, что увижу статую в подлиннике, но даже в копии (кстати, выдающейся!) она произвела на меня огромное впечатление. Музей построен выдающимся зодчим на государственные средства также почти сто лет назад. Здесь все было другое, невиданное нами, прекрасное, созданное огромным талантом и трудом. Кремник, напротив него огромный торговый центр, Исторический Музей, Большой театр, из которого я вообще не хотел выходить и нас выгоняли. Даже лужа, оставшаяся после разрушения боками величайшего Храма.

Это была чуждая нам цивилизация, но высочайшего уровня!

Затем была намечена поездка в Вулоград. Я спросил у геян, откуда у них есть время на поездки? Юнг ответил, что он инвалид и получает пенсию, а Геля и Алик взяли отпуск за свой счет. Хонеб разобрался с тем, что это такое, и остался доволен. Правда Алик в Вулоград не поехал. Он сказал, что ему отказали в отпуске.

Вулоград тоже произвел потрясающее впечатление, особенно дворцы в его окрестностях. Однако, когда мы ознакомились с жилищными условиями горожан, у нас с Хонебом сложилось впечатление, что это постепенно умирающий город.

Тем временем начались Олимпийские Игры. И, хотя, главные спортивные державы планеты - Юнайтс, Бритш и Дачлан, из-за политических разногласий, в Играх участия не принимала, соревнования были интересными.

В один из дней, неожиданно, геяне пришли в черных траурных костюмах. Геля открыто плакала. Оказалось, внезапно умер выдающийся поэт и артист Влавьцкий. Мы о нем ничего не знали, так как ни в одной из рустатских энциклопедий его фамилии не было. Видно, он сильно не нравился властям. Мы пошли на похороны, простояли несколько часов и убедились, что мнение народа сильно отличается от мнения власть имущих. Несмотря на Игры, проститься с умершим пришли десятки тысяч людей. Уже после похорон мы несколько часов слушали записи его выступлений, некоторые по два-три раза. А его песню про гимнастику Хонеб перевел на наш язык и регулярно напевал: "Если Вы в своей квартире, лягте на пол, три-четыре ..." и улыбался.

Мы всё больше и больше сходились с Гелей и Юнгом. Их уважала вся наша группа, а для нас с Хонебом они стали очень близкими друзьями. Мы уже не жили на квартире у Алика, нам нашли другое, тоже очень приличное жильё. А Алик от нас отдалился. Он так и не смог отделаться от недоверия к нам.

Продолжая знакомиться со страной, мы всей группой (исключая дежурных) совершили экскурсию по так называемому "Золотому Кольцу" - старинным городам недалеко от столицы. Проехали вдоль по течению двух великих рек, пересекающих равнинную часть страны, осмотрели расположенные там города. Все они произвели на нас впечатление, особенно столица республики на правом берегу Днипры. Смотрели мы не только города, но и населённые пункты вокруг них (сёла и деревни).

Что нас поразило - полное отсутствие цивилизации вне городов. Практически нет дорог, даже в самих населённых пунктах. Покосившиеся деревянные строения ("избы") с соломенными крышами. Нет центральных систем бытовых удобств - водопровода, канализации, энерго- и тазоснабжения. Никакой элементарной санитарии и гигиены. Маленькие, и, даже средние, города, ничем от деревень и сёл не отличаются. А ведь там живёт почти 70% населения страны. Да и в крупных городах дороги плохие, а центральных систем нет полностью даже в Макве и, особенно, в Вулограде.

Побывали в огромной восточной части страны. Называется "Забирь". Она покрыта лесом ("Тайгой") и мало населена. В основном только на юге, вдоль железной дороги. Там текут с юга на север три огромных реки, мы таких ещё не видели. Особенно - самая восточная. Её ширина в нескольких местах достигает 50 километров. Проблемы культуры и цивилизации там ещё более усугублены, чем в западной части страны.

Какое-то чудовищное несоответствие между очень тонкой прослойкой высочайшей культуры и цивилизации, и остальной, "немытой" (как сказал великий поэт) страной.

Потом мы отправились в восточную часть Рустатии - Асиё.

Побывали в горных и пустынных республиках на Юге. Поехали туда легально. Взяли билеты на самолет и через три часа были в столице самой крупной республики. По железной дороге и на автомобилях мы объехали все степные республики, были даже в горах, которые называют "Крышей Мира". Нас поразила абсолютная нищета населения, практически полная безграмотность и отсутствие цивилизации. Отсутствие нормальных дорог, нормального жилья. Даже в крупных городах в основном нет канализации и водоснабжения. Полное господство куранских обычаев и религии.

Во главе республик стоят ханы, назначаемые центром и зависящие от него. Их могут в любой момент снять, но пока в должности, то есть у власти, - они полные хозяева страны. И эту власть используют для собственного и своей семьи обогащения. Коррупция и взяточничество - безграничны.

Мы близко видели хозяина республики, примыкающей с востока к большому озеру-море (Каспа-море). Это был толстый человек, давно утративший мужскую фигуру, с маленькими заплывшими глазками и сверлящим взглядом. Он считался лидером местных боков, но никакого учения не придерживался, сосредоточив все усилия на удержании власти. Его жесты и слова были скупы и исполнялись мгновенно. Его боялись все - и местная полиция всех видов, и суд, вернее то, что называлось судом, и прокуратура, и никчемный Верховный Совет.

Говорят, раньше местная полиция подчинялась центру, что позволяло держать этих князьков в узде. Чего эти князьки боятся пока, так это армии. Она по-прежнему подчинена центру и в

состоянии раздавить любое неповиновение. Князьки усиленно коррумпируют и разлагают армию на своих территориях. Примерно такое положение было во всех степных республиках.

Мы были в восторге от города, бывшего некогда столицей огромного государства, решавшего судьбы мира на востоке. Были в усыпальнице хромого полководца, считавшегося в свое время величайшим полководцем Гехи. Другие города на нас впечатления не произвели.

Главной задачей республик было давать хлопок. Под хлопком находились все плодородные земли. Почти все они были заражены смесью, которая не позволяла выращивать хлеб и содержать бахчи, что раньше составляло богатство республик. Выращивался только хлопок. Республики постепенно беднели, перестали бороться с наступлением песков. Посевные площади за последние два века сократились вдвое.

В горских республиках, по ту сторону озера-моря, положение было примерно такое же, как в степных. "К" иешуанских республик было несколько выше куранских. Между иешуанами и куранитами зрел крупный конфликт, который куранитские власти исподволь разжигали. Требовалось срочное вмешательство центра. Однако, доподлинно зная обстановку, центр не реагировал.

Как и в степных республиках, здесь было большое количество племен, со своими обычаями и своей жизнью, причем многие из них враждовали с соседями.

В горских республиках нам не понравилось ничего!

Надо еще добавить, что где бы мы не были, в Рустатии или за ее рубежами, Хонеб с Юнгом обязательно присутствовали на нескольких судебных заседаниях, а все процессы изучали по прессе. Потом очень серьезно все обсуждали. Процессы и судебные заседания хорошо показывали работу полиции всех видов, в том числе и политической, действенность законов, систему и деятельность прокуратуры и судов.

21. "И изумлялись...и недоумевали..." (Деян., 2,12)

Наши группы, расположенные в других странах, тоже вступили в контакт с представителями местного населения. Однако, такие отношения, как у нас с Гелей и Юнгом, не сложились нигде. Товарищи из других групп усиленно звали нас к себе. Оказалось, что Юнг и Геля никогда не были за рубежом.

- Нас туда никто не пустит! - сказал Юнг - И пытаться нечего!

- Вы просто не представляете наших возможностей! - отреагировал Хонеб - Завтра будем в Пари! Вы должны предупредить кого-нибудь, что на несколько дней исчезнете из города?

- Это действительно так просто? Тогда мы предупредим своих!

Ночью мы надели на Юнга и Гелю гравилеты, сцепили их с нашими и под утро были в лесочке под Пари. Нас встретили, всем дали водительское удостоверение, посадили в шикарный автомобиль и покатали в город.

- А если нас остановят и спросят? Ведь мы не знаем языка? - спросила Геля.

Наши спутники засмеялись.

- Если вы не нарушаете правила, никто не остановит. Здесь вообще не требуют документы, больше верят на слово, тем более, если есть водительские удостоверения. А если спросят - молчите! Отвечать за вас будем мы!

Часть Света на западе самого большого материка называется Эропа. За несколько декад, в разных странах Эропы нас ни разу не остановили и не потребовали документы. Мы никого не заинтересовали.

Зато все увиденное и "пощупанное" нами произвело колоссальное впечатление.

Во Франсе, в главном Музее, бывшем королевском дворце Пари, мы были четыре раза, и осмотрели его, сколько могли. Все четыре раза я, разинув рот, стоял перед древней статуей безрукой богини по два часа, пока Геля не брала меня под руку и не уводила от статуи. В главном соборе Пари меня охватило чувство какой-то возвышенной причастности к чуду. Ещё перед отлётом, мы с Хонебом, по совету Юнга, прочитали книгу франского классика о соборе, и, поднявшись по винтовой каменной лестнице наверх, мы смотрели на мостовую с балкона, откуда бросился горбатый герой книги. В соборе-усыпальнице франских монархов мы услышали дивную музыку из огромного

духового музыкального инструмента. Нам объяснили, что музыка называется "Фуга" и сочинил её один из величайших композиторов Гехи. Видели и слушали изумительные музыкальные спектакли в театре "Гранд-Опера" (в наших сообществах всё по-другому). У геян существует пословица: "Пари всегда Пари!" Мы убедились в вечной правильности пословицы. На севере страны были в городе, где попы сожгли заживо франскую героиню. Осмотрели построенный на месте её казни величественный, похожий на пламя, собор.

К нашему великому изумлению оказалось, что в средневековой Эропе попы сожгли заживо миллионы людей. Причём публично! И толпы зевак с удовольствием смотрели на казнь. Я и раньше смотрел на попов всех конфессий с недоверием, теперь же стал просто презирать их, какими бы велеречивыми они ни были.

Из Франса улетать не хотелось, но Хонеб был неумолим и мы перелетели через пролив.

Здесь мы тоже узнали и уяснили много. Государственное устройство, распространившееся на некоторые другие страны материковой Эропы, большое количество памятников зодчества, в том числе доисторических. В Музее Бритша, в Лодоне, Хонеб силой вытаскивал меня из здания, когда оно уже закрывалось. Были в лодонском театре великого средневекового драматурга, поэта и философа и в других театрах. Страна и её невозмутимые, свято хранящие традиции, граждане, нам понравились.

. В стране, расположенной на полуострове-сапоге, где все говорило о древнем величии, мы были в главном городе древнего мира, осмотрели его часть, принадлежащую первосвященнику. Были во всех, известных с глубокой древности городах. Видели в подлиннике статую древнеиврского царя, которая в копии имеется в музее Маквы. Были в самом известном оперном театре Гехи на севере страны.

Колоссальное впечатление произвел Юнг. В сущности, он везде был нашим экскурсоводом. И, хотя как и мы все, был здесь впервые, похоже знал все досконально! Все наши группы познакомились с Юнгом и Гелей и очень тепло относились к ним, а мы с Хонебом просто сроднились с ними.

Декаду провели на "Черном" (так именуют геяне) континенте. Он поразил первозданными лесными дебрями и пустынями. Геяне еще не сумели окультурить их. Мы смотрели на них, как на глубокую, уже забытую нами, древность. А чернокожие люди есть и на наших планетах. Вдоль Великой Реки на этом континенте в древности была страна высокой цивилизации, ставшей одной из основ современной цивилизации Гехи. Пирамиды, Сфинкс, высочайший уровень мастерства при их сооружении, произвели впечатление, которое не хочется портить никакими эпитетами. К сожалению, эту цивилизацию разрушили ещё в древности и уничтожили её создателей. Потомки сельских жителей сохранились в виде очень маленькой группы. Сейчас страну населяют потомки тех, кто цивилизацию разрушил.

В Юнайтс мы были уже без сил и просто смотрели, по-моему ничего не воспринимая. В этой стране нет населенного пункта, и даже отдельного жилья, к которому бы не вела асфальтированная дорога. Все жилища, за исключением некоторых временных построек, имеют водоснабжение, канализацию и автономное теплоснабжение, если нет центрального. Кстати, также обстоят дела и в большинстве других стран на западе.

Когда мы собрались под Пари в обратный путь, Хонеб сказал:

- Как это получилось, что на одной планете - две планеты, не понимаю! Но это точно: Русты и весь остальной мир - это две разные планеты! И очень большой вопрос - сольются ли они когда-нибудь в единое целое!

- Боюсь, что у нас не две, а три планеты - сказал Юнг - есть еще Асие, которую мы с вами не видели!

Наши асийские группы сообщили, что официальное пребывание практически во всех странах затруднительно и небезопасно. Исключение составляют только Апан и страна ивров, но и там нужна солидная подготовка. Лучше всего быть, как они, на нелегальном положении, и в случае малейшей опасности исчезать! После длительного обсуждения, Хонеб приказал готовиться к асийскому путешествию. Юнг и Геля решили в нем участвовать.

Мы обеспечили свою и наших геян безопасность и месяц изучали эту огромную часть света с населением в три четверти всех геян. Нас поразило все увиденное. Построенная три тысячи лет назад, ремонтирующаяся и обновляющаяся стена. Колоссальные, превосходящие воображения, захоронения бывших владык. В стране Хинду - невиданный по красоте и изяществу белоснежный Храм, построенный в честь любимой жены владыки, храмы и скульптурные изображения, огромные комплексы, частично восстанавливаемые, частично заброшенные. Непроходимые дебри, особенно на островах, куда еще вряд ли ступала нога человека. Но еще больше нас взволновала потрясающая нищета, абсолютная безграмотность и нецивилизованность, абсолютная незащитность перед властью большинства населения этой части света, хотя Хонеб и Юнг утверждали, что три тысячи лет назад здесь была самая передовая цивилизация на планете.

Оценивая обстановку, Хонеб сказал:

- Куранство - сегодня самая отсталая, непримиримая и агрессивная из церквей. Даже хуже отсталой Рустатской церкви. Большинство мужчин, исповедующих учение, не имеют постоянной работы, не умеют ничего, кроме зверски надругаться над слабыми и стрелять. Похоже, такое положение устраивает большинство истинных руководителей этой группы народов, которые готовят попытку подчинить себе Геху. На самом деле все эти короли, эмиры, шейхи - люди неверующие, так же, кстати, как и все руководители иешуанских церквей! Трудно предположить, что они верят в двухтысячелетние легенды про иврского божка, божка народа, который они все ненавидят. Пророк Махмат взял все свое учение с Ветхого Завета и изложил в своих сурах. Древнеиврское название Бога - "Элохи". У Махмата - родственное по языку древнекуранское - "Аллах". Владыки куранского мира хотят, чтобы вся Геха жила по правилам, выдуманным Махматом! Противостоят и сломают им шею Чина и Хинд, если сумеют договориться. Их развивающейся промышленности не хватает горючего, а владеют горючим куранцы. Смертельная схватка между ними унесет половину жизни и тех, и других. Трудно сказать, как эти события скажутся на остальных жителях планеты. И, тем не менее, есть же в Асии Апан, где высокая цивилизация сочетается с вековыми обычаями жизни народа. Бандитские группировки Чины и Апана, заставляющие сегодня опасаться их, будут, без сомнения, уничтожены совместными усилиями местной и западной полиции. Это действительно третья планета, и такой мне предвидится ее будущее! Ну а теперь - домой!

Следующей ночью мы были возле нашего катера под Маквой. Сняли с себя "импортную" одежду и двинулись в город. Патрули останавливали нас трижды и тщательно проверяли документы, освещая лица фонарями. Перед тем, как разъехаться по домам, мы пили коньяк, приготовленное Гелей кофе и все вместе вспоминали увиденное.

Я шел по коридору и случайно увидел, что Геля завела Юнга в пустую комнату. Дверь была прикрыта, я видел как Юнг сел в кресло, а Геля верхом села ему на ноги, лицом к нему.

- Я знаю, что ничего нельзя! - сказала она - Но я ни разу в жизни не целовала тебя! Теперь я намерена исправить эту ошибку!

Я быстро прошел мимо и стал ждать их появления в общей компании.

22. "В лукавую душу не войдет премудрость..." (Иерем., 1,4)

Геля упорно настаивала, чтобы мы как следует потолковали со знающим богословом. Мы, особенно Юнг и Хонеб, были категорически против.

- Гелинька! Доказать отсутствие бога так же невозможно, как и его существование! Споры религии и науки по этому поводу длятся веками! Наука очень медленно и очень постепенно одерживает победу. Главный показатель в этом процессе - рост уровня интеллекта людей, - сказал Юнг. - На Гехе, особенно в нашей стране, уровень весьма невысок! Спор с любым богословом неизбежно превратится в переругивание и взаимные оскорбления. Тебе это нужно?

Хонеб полностью его поддержал.

Однако столкновение с церковником произошло, причем совершенно случайно. Геля поддерживала дружеские отношения со священником небольшой церкви, недалеко от ее дома и уговорила нас зайти в церковку, когда там не было богослужения. Сначала зашел я, Геля познакомила меня с настоятелем (своим знакомым). Это был очень благожелательный человек, как все попы в черной рясе, с большой седой бородой. Оказалось - бывший офицер-летчик. Я осмотрелся. Церковка, хотя и построенная два века назад, была типичным новоделом, почти все основные элементы строения были сделаны год-два назад, роспись носила яркие следы не только отсутствия искусства, мастерства, но и элементарного ремесла. Я вышел и сказал Хонебу и Юнгу, что в церкви один священник и никаких разговоров мы с ним не ведем. Хонеб и Юнг вошли в церковь и тоже стали осматриваться.

Внезапно к церкви подъехал большой черный автомобиль. Сквозь открытые двери церковушки было видно, как из него, с помощью слуги и охранника, вылезает очень полный, важный поп и направляется в церковь.

- Господи! Да это ж митрополит Евлампий, хозяин епархии! - сказал священник и ринулся навстречу.

Митрополит в черной рясе и черном клобуке, не наклоняясь, ввиду маленького роста, быстро вошел в церковь и поздоровался. Мы все ответили.

- Вы прихожане? - спросил митрополит.

- Кроме девушки, мы все посетители, - ответил Юнг.

- Вы православные? Верующие?

- Кроме девушки, все атеисты!

- Что привело вас в Храм?

- Мы пришли осмотреть церковь, когда здесь никого не было. Не хотим оскорблять чувства верующих!

- Но ваше присутствие оскорбляет чувства Пресвятой Богородицы, Матери Божьей, покровительницы Святой Русты, которой посвящен Храм!

- Господин митрополит...

- Меня называют либо Святой отец, либо Ваше Преосвященство! - перебил Юнга митрополит. Особенно в Храме!

- Чины у нас отменены в 1917 г., и никто вновь их не вводил. Для меня Вы не святой и уж тем более не отец! Вы поп в звании митрополита!

- Вы намеренно пытаетесь меня оскорбить! Почему?

- Потому что Вы намеренно пытаетесь втянуть нас в религиозную дискуссию, которой мы не хотим!

- Если вы боитесь, то это ваше дело! Я же готов защитить свою Церковь и свою Веру!

Юнг помолчал и укоризненно взглянул на Гелю. Потом на нас.

- Ну ладно, - медленно сказал он - Я отвечу на Ваше желание! Каждый человек имеет право на свое понимание мира, в том числе и религиозное! Но мне непонятно, причем тут церковь?

- Церковь - защитница религии, любимое детище Иешуа!

- Не согласен! - сказал Юнг - Если Бог создал человека по своему образу и подобию и определил его хозяином Гехи, то зачем Богу нужен ничего не делающий и не производящий посредник между ним и созданным им человеком? Причем, любая церковь с самых древних времен является не только противоположностью, но и врагом своей религии!

- Эж Вы хватили! Хорошо, что это только слова!

- А больше пяти миллионов женщин, искалеченных пытками и сожженных заживо только за черные глаза. А италийский Мыслитель? А французская Героиня? А десятки тысяч запоротых насмерть, посаженных на кол, что почище костра, сожженных на Русты? И делались такие зверства не против воли церкви, а по ее настоянию! А ведь это нарушение главного принципа: "Не убий!" Вы надеетесь, что человечество все забыло? На самом деле нет! Мы всё помним и припомним вам в своё время! Человечество на балл повысит свой уровень интеллекта, и вы все исчезнете!

Что касается Храма Пресвятой Богородицы, то и здесь вы придерживаетесь догматов двухтысячелетней давности! Возраст Вселенной, а это доказано Наукой, которую вы ненавидите, -

около 12-13 миллиардов лет. Возраст Гехи - более 4,5 миллиардов лет. Невозможно себе представить, что ваш иврский бог, создатель Вселенной...

- Почему Вы сказали «Иврский Бог»? Бог не имеет национальности – перебил Юнга митрополит.

- Потому что не гиптский, не шмерский, не осирийский, не финкийский, не иранийский, не грецкий, не латинский, не алеманский, не словенский, не чинский, не апанский, никаких других народов, а именно иврский! И Вы это отлично знаете! Просто Ваш вопрос выдает не Ваше невежество, а Ваше патологическое жадофобство. Так вот, невозможно себе представить, что ваш Бог, по прошествии 12-ти миллиардов лет вдруг решил занять сына от иврской девочки на одной из тысяч населенных планет, воплотиться в него, да и позволить распять себя на кресте! Если представить себе это в действительности, то ваш бог отменный лицедей! Как бог он бессмертен, потому не мог умереть на кресте и воскреснуть! Никого он - своими муками не спасал. Да и не принимал он мук за все человечество, поскольку человечество как мучилось, так и продолжает мучиться!

Митрополит покраснел.

- Иешуа был сыном Божьим и стал Богом после распятия!

- Нет! Богом, Создателем Вселенной, Гехи и людей на ней, стать нельзя! Им надо быть! Можно получить от богов бессмертие. Об этом много говорят и древние языческие, и удейские, и иешуанские, и кураанские мифы. Но только в иешуанском мифе Бог становится себе и сыном, и отцом, и своей аурой одновременно. Это нелепость. Но вы и «веруете ибо нелепо», как сказал ваш древний теолог. А я в нелепость не верю!

К тому же Иешуа, его мать Мириам, его отец Иосиф и все его двенадцать новозаветных апостолов никогда иешуанами не были - они все были ивры и верующие удеи! И Вы это тоже хорошо знаете! Я считаю, что Иешуа - историческая личность. Никаким божьим сыном он не был и действительно перенес все муки распятия, хотя ни одному человеку на Гехе от этого лучше не стало! Иешуа был замечательным человеком! Основатель удаизма Моше, тоже выдающаяся личность, под видом божьих заповедей (по другому тогда было невозможно) сформулировал правила человеческого общежития, но только для ивров! Иешуа, после долгих исканий, сказал: "Почему только для ивров? Это нужно для всех людей!" За что и был казнен.

Митрополит сжал свои жирные кулачки и твердо сказал:

- Иешуа, был божьим сыном, потому что его названный отец по возрасту уже не мог иметь детей!

- И это ложь! Потому что у Мириам было еще по крайней мере семь взрослых детей, все моложе Иешуа! Просто Вы невнимательно читали Новый Завет. И что, все они были от разных отцов? Это в Удее того времени, когда за взгляд на чужого мужчину могли побить камнями? Ко времени гибели Иешуа Мириам была пожилой грузной иврийкой с обязательными черными над верхней губой усиками, как у всех ее соплеменниц! И если бы она, в качестве видения, явилась к Вам во сне, Вы выскочили бы в окно!

Больше, господин поп, я говорить с Вами не буду! Мне надоели Ваши ложь и невежество! Один франский философ, мудрый ученый, когда-то очень верно сказал: "Невозможно вести честный и искренний спор с дураком!"

Глаза митрополита загорелись зеленым огнем. Он натянул на себя свой клубок, благим матом заорал:

- Изydi Сатана! Изydi Сатана!

И бегом ринулся из церковушки.

- Простите меня! - сказал священник. - Не все наши высокие чины могут отстоять свою точку зрения, тем более, как я вижу, на высоком уровне знания святых книг.

Мы попрощались и вышли из церкви. Геля повернулась к Юнгу и бросилась на него с кулачками.

- Ты плохой, ты нехороший! Ты меня ни в чем не убедил! Ты не должен был так себя вести!

Юнг обхватил ее в объятия, не стесняясь нас, стал неистово целовать и сказал:

- Гелинька, любимая! Я же сказал, что спор на религиозные темы ни к чему, кроме словесной свары, не приведет! Он просто вынудил меня дать ему словесами по толстой морде!

- А я? - не унималась Геля - Про меня ты забыл? Вместо красавицы Богоматери мне теперь всегда будет видеться ужасная старуха, про которую ты сказал!

Геля обхватила Юнга обеими руками, положила голову ему на грудь и горько рыдала. Священник с паперти неодобрительно наблюдал эту сцену.

23. "Не мудрым - хлеб..." (Еккл., 9,11)

Наступил последний осенний месяц. Стало холодно. Мы купили тёплую одежду. Наша не годилась - мы бы резко выделялись. Нам ни к чему. Каждый день мы после завтрака ждали Юнга и Гелю, потом пару часов ходили по городу. Хонеб и Юнг вели серьёзные научные разговоры, иногда яростно спорили. Мы с Гелей слушали, вставляли свои замечания, вмешивались в споры. Обедали у нас, поскольку мы с Хонебом в столовую или ресторан даже войти не могли. Обычно геяне приходили с продуктами, и Геля готовила. Причём всегда очень вкусно. Отдыхали тоже у нас.

В один из дней мы попали в неприятную ситуацию. Хонеб сказал, что хотел бы поближе посмотреть на знаменитую "Ложбинку". Просто пройти там, не останавливаясь. Юнг сказал, что это опасно, однако Хонеб гарантировал всем безопасность. Хонебу геяне привыкли верить безоговорочно. Мы пошли.

Сначала прошли по улице Фединского. Юнг объяснил, что почти все здания по обеим сторонам улицы принадлежат "чегебушникам". Обошли весь комплекс зданий. В Фурковском переулке заметили, что нас догоняют двое здоровенных амбалов (так их потом назвала Геля) в штатском. Они нас окликнули, но мы не остановились. Они нас обогнали и встали перед нами. Один из них спросил, почему мы не остановились.

- А кто вы такие? - спросил Юнг - Может вы грабители? Почему мы должны останавливаться?

- Капитан госбезопасности Новиков. - сказал этот человек и махнул издали удостоверением в красной обложке, которое сразу же спрятал.

- Покажите мне удостоверение как следует, чтобы я мог убедиться, что Вы действительно тот человек, за которого себя выдаёте!

- Сейчас я покажу тебе удостоверение, пархатая морда! Так покажу, что больше никогда не захочешь смотреть! Всем предъявить паспорта и стоять, пока я не разрешу двигаться!

- И не подумаю! - сказал Хонеб - И вообще, какое право вы имеете ни за что оскорблять человека, который вдвое старше вас?

- Вот как, тут ещё и иностранец! - отреагировал "чегебушник" - Сейчас будем разбираться!

И поднял руку, видимо вызывая подмогу.

В этот момент между нами и этой парочкой вдруг выросли четыре наших товарища по экспедиции. Очевидно Хонеб вызвал их заранее. Они оттеснили парочку, не дали подойти к нам, стали говорить какую-то ерунду и задавать глупые вопросы. Создалась толкучка. Из дверей здания к ним бежали ещё несколько человек. А мы, завернув за угол, уходили к бульвару. Хонеб сказал, что бежать, или быстро идти не нужно. Он поставил за нами экран и нас не увидят.

- А как же ваши товарищи? - спросил Юнг.

- Не волнуйся за них, они просто исчезнут! - сказал Хонеб.

Когда мы вернулись домой и пообедали, Юнг сказал:

- Интересно, какова их реакция! Такого провала у них, наверное, со времён Фединского не было!

А мы сейчас узнаем! - сказал Хонеб.

Пришли наши товарищи, принесли аппарат. Я хорошо знал его назначение и действие, и ждал интересного зрелища. Хонеб пояснил:

- Этот прибор записывает сквозь стекло изображение и речь. А потом демонстрирует запись.

- Нужно какой-нибудь экран? - спросил Юнг.

- Он сам создаёт экран. - ответил Хонеб.

На стене против окна появилось голографическое изображение большого кабинета. Очевидно, кабинета Ювландова. Он сам стоял под большим портретом Фединского, опершись обеими руками на спинку стула. Обычный рустатский чиновничий кабинет - Т-образно стоящие столы. У поперечного "хозяйского" стола - маленький столик-приставка с пятью или шестью телефонными аппаратами. Вдоль стены, справа от Ювландова, вытянувшись в струнку, стояли пять амбалов.

Ювландов был сильно раздражён, но голоса не повышал.

- Капитан Новиков - сказал он - Доложите подробно, что произошло!

Человек, который пытался нас задержать, оставаясь в "струнке", повернулся к Ювландову.

- Находясь на оперативном дежурстве у здания, мы с Чутко (очевидно, так звали второго) обратили внимание на четверку людей, откровенно рассматривавших весь комплекс. Мы подошли к ним, и я потребовал документы. Они отказались. Я вызвал подмогу. Что потом случилось, я, товарищ генерал, объяснить не могу. Нас окружили и отрезали от четверки какие-то личности без лиц, вернее, все на одно лицо. Четверка исчезла, а когда прибежала подмога, исчезли и личности. Так, товарищ генерал, не разбежались, а именно исчезли! Все подтвердят! По тревоге прочесали даже все соседние кварталы - и ничего! На фоторобот я и Чутко можем дать только иностранца, который отказался подчиниться. Того, кто начал пререкаться, мы вспомнить не можем. Так же, как третьего мужчину и женщину. Мы их просто не видели, они всё время были за спинами. Такого никогда не было! Объяснить произошедшее никак не могу!

Ювландов некоторое время молчал. Потом сказал:

- Многие провалы объясняются осведомлённостью наших противников в нашем личном составе. Как это происходит? Агенты под видом прохожих или просто зевак непрерывно шляются около наших зданий и специальными камерами, которые нельзя заметить, фотографируют всех, кто входит и выходит из зданий. У них в центре имеется специальная фототека, по которой можно быстро отыскать нужное фото. Есть специальные методы. Мы давно заподозрили неладное, а потом получили агентурное подтверждение. Несколько раз задерживали таких зевак и отпускали их, поскольку ничего не могли им предъявить. Полтора года назад, у одного из таких задержанных, совершенно случайно было обнаружено отлично замаскированное фотоустройство. К сожалению, это был наш пьяница, которому посулили вагон водки за "невинные" снимки. На тех, кто ему поручал, мы так и не вышли. И вот сегодня вы упустили явных шпионов, диверсантов! Не сумели задержать тех, кто пришёл им на помощь. Даже фото сделать не сумели! Как вас называть после этого? Много говорить не буду. Поднять всех и всё! Если через неделю вы мне всю четверку не приведёте.... Всё ясно?

- Так точно! - дружно гаркнули амбалы.

Изображение исчезло. Некоторое время мы сидели молча.

- Больше нам вчетвером ходить по городу нельзя! - сказал Юнг - Они нас непременно вычислят и попытаются арестовать. Я думаю, Хонеб, что тебе с Габом нужно уйти из квартиры и перебраться в ваш катер. Нам с Гелей, если это возможно, тоже неплохо бы побыть там с вами, пока вся эта "чрезвычайка" не уляжется.

- Так и сделаем - сказал Хонеб.

Мы дождались темноты, надели антигравы и переместились в катер. А через день вообще перелетели во Франс, где пробыли две декады.

24. "Ибо время близко..." (Откр., 1,3)

Наш катер по-прежнему не обнаружен. Мы вернулись, ночью доставили геян в город и снабдили их специальными средствами связи. Они могли разговаривать с нами, находясь дома или на улице, подслушать было невозможно. Кроме того, там был сигнал тревоги, на который мы немедленно бы отреагировали. Юнг и Геля свободно ходили по городу. Мы проверяли - за ними не следили и их не преследовали. Видно, запал у чегебушников кончился. У нас на катере они тоже часто бывали.

Торжественно и весело отметили геянский Новый Год.

А через несколько дней Хонеба срочно вызвал "Декегал". Поговорив 10 минут, Хонеб вышел из капитанской рубки мрачнее тучи.

- МС-Центр отзывает нас на 606-ю. Сюда направляется новая, по другому оснащенная экспедиция!

Мы были сражены, удручены и долго молчали. Потом созвали совещание. В нём участвовали все наши группы на Геха. Известие всеми было встречено резко негативно.

Хонеб объяснил, почему, по его мнению, нас отзывают.

- Я внес кое-какие дополнения в Принкары, когда был еще на 606-й. - сказал он - Они были приняты и экспедиция придет сюда вдвое быстрее - через пять лет. Перед тем, как расстаться, я хочу показать нашим друзьям Четвертую и "Декегал"!

Мы всегда знали, что Хонеб - выдающийся ученый, но, что он внес изменения в Принкары, мы слышали впервые. Он никогда об этом не говорил. Мы от души его поздравили. А вот насчет космического путешествия наших друзей мнения разошлись. Я решительно поддержал Хонеба и в конце концов мы решили, что он принял правильное решение. Причем сначала решено было сказать только о путешествии на космическом катере, который они неоднократно видели и почти освоили.

Когда Хонеб объявил нашим друзьям о планах их космического путешествия, сразу согласилась, довольно неожиданно для всех, Геля. Она заявила:

- Давно хотела побывать на небесах и узреть, наконец, Господа Бога!

Юнг сказал:

- А не стар ли я для такого мероприятия?

Через три дня катер со всей нашей командой, Юнгом и Гелей на борту, стартовал на Четвертую. Мы сидели в специальных креслах, дававших возможность катеру двигаться с большой скоростью. Такая техника была еще для геян недоступна. Однако, невесомость явно ощущалась и наши гости вели себя по-разному. Геля приспособилась сразу и неотрывно смотрела в иллюминаторы. Юнг приходил в себя значительно медленнее. Только спустя час, он заговорил с Хонебом, сидевшим рядом с ним.

- Хонеб! Мы пролетим рядом с Селной?

- Да, мы специально выбрали этот маршрут и облетим Селну!

- А почему вы вообще все затеяли?

- Я отвечу, но позже. Когда будем на Четвертой!

- Мы будем на Четвертой? Потрясающе!

- Мы будем даже дальше, но это будет зависеть от вашего желания и самочувствия. Решим на Четвертой!

Облет и обзор Селны произвел на наших друзей колоссальное впечатление.

- Вы там были? - спросил Юнг.

- Неоднократно! Селна - промежуточная база для наших катеров.

- Но ведь вас там легко обнаружить!

- Во-первых, мы экранируемся, во-вторых, не оставляем следов, в-третьих, используем обратную сторону спутника. Вообще, Геха и Селна - одна планета, только двойная. На Селне должны быть и будут сооружены огромные исследовательские институты и лаборатории, как у всех разумных планет. Просто вам нужно ещё полтора-два века!

- А они у нас есть?

- Все, что думаю, я откровенно выскажу! - сказал Хонеб - Хотя вам это может сильно не понравиться!

- Где и когда?

- Начнем на Четвертой. Ладно?

25. "Кривое не может сделаться прямым..." (Еккл.,1,15)

Катер опустился на Арсе рядом с "Лорой". Право первой спуститься по трапу предоставили Геле. Она ступила на грунт, обеими руками держась за перила, как-то неуверенно сказала:

- Я на Арсе! Это что - правда?

Под шлемом было видно ее совершенно растерянное лицо. Я взял ее за руки и с большим трудом оттащил от трапа, поскольку руки от перил она отпустить боялась.

- Точно Арс! - сказал я - Другая сила тяжести. Чувствуешь? А вон, - я показал рукой - Геха и Селна!

- Боже мой! - Геля обеими руками держалась за меня, но посмотрела в указанном направлении - Они такие маленькие! А Геха! А Геха вся голубая! Сколько сейчас до них?

- Около 70 миллионов километров.

Я почувствовал, что Геля падает. Юнг, не испугавшись, сделал отчаянный рывок и подхватил ее на руки. В таком порядке - Юнг держал на руках никак не приходившую в себя Гелю, мы маленькой толпой вошли в открывшиеся ворота шлюза "Лоры".

Придя в себя в медотсеке "Лоры", Геля сказала:

- Вот уж не думала, что так может произойти. Но я не отступлю! Я самостоятельно, в скафандре, пройду по поверхности Арса и даже попрыгаю! А ты, - она обратилась к Юнгу - И ты - Это ко мне - будете рядом. Для компании!

Сутки на Арсе не совпадают с Геянскими, поэтому мы жили по своим часам, по своему времени. Пока Геля привыкала к силе тяжести на Арсе, пока мы объясняли ей, что здесь, даже при ярком солнечном свете видны звезды и планеты, Юнг и Хонеб начали серьезный разговор.

- Нас отзывают на 606-ю! - сказал Хонеб - Через несколько дней мы стартуем домой!

- Как! Это же невозможно! А мы?! - почти одновременно отреагировали Юнг и Геля.

- Я тоже не согласен с решением МС-Центра! - сказал Хонеб - Однако, без стальной дисциплины служба Открытого Космоса существовать не может! Сюда уже стартовала специальная экспедиция, которая знает все, что знаем мы. Они будут здесь через пять лет. Я думаю, что понимаю, почему МС-Центр принял такое решение: по нашим донесениям они поняли, что мы можем вмешаться, и я знаю, что они в чем-то правы!

- Я так точно вмешался бы! - сказал я.

- Возможно, мы с Габом еще вернемся сюда. Не ранее, чем через пятнадцать-семнадцать лет. Мы-то не очень постареем, а вы? Застанем ли мы тебя, Юнг? И даже тебя, Гелинька? И я не просто расстроен. И не только я. Говорю от имени Габа и всех. Мы все в трауре. Это как похороны - мы расстаемся с вами фактически навсегда! А вы - самые близкие нам и родные люди!

Это была очень тяжелая сцена. Юнг сидел неподвижно, обхватив лицо руками, Геля рыдала навзрыд, да и мы, в общем, все плакали, стараясь скрыть слезы.

Через несколько часов шок от первого удара немного прошел. Геля сказала:

- Я все-таки хочу прогуляться по Арсу! Наверное, это будет единственная в моей жизни, неповторимая и фантастическая прогулка! Я хочу договориться с Юнгом и Хонебом - следующий серьезный разговор они начнут только в моем присутствии!

- Даю слово! - сказал Юнг.

- Подтверждаю! - тотчас откликнулся Хонеб.

Когда мы вышли из шлюза, всюду светило Солнце, все вокруг было раскалено. Мы в своих специальных скафандрах, жары не ощущали и спокойно беседуя, обошли вокруг "Лоры". Юнг и Геля смотрели во все стороны и во все глаза. Примерно через час мы вошли обратно в шлюз.

Геля сняла скафандр, тряхнула своей роскошной шевелюрой и сказала:

- Я уже усвоила, что это точно не сон! Но все увиденное наверное мне будет сниться даже после смерти! Если можно, давайте выясним наши дальнейшие планы!

- Мы хотим предложить вам осмотреть "Декегал"! - сказал Хонеб. - И вообще, если вы решитесь, мы заберем вас на 606-ю! Разрешение мы получили.

- А что такое - осмотреть "Декегал"? Значит, мы полетим туда? - спросила Геля.

- Да! - ответил Хонеб - Только не на катере, а на крейсере. Слишком большое расстояние!

- И какое?

- А ты опять шлепнешься в обморок?

- Ни в коем! - твердо сказала Геля.

- Около двух миллиардов километров!

Геля села на диван рядом с Юнгом и положила голову ему на колени. Юнг, после короткого молчания, сказал:

- Я хочу осмотреть "Декегал"! Лететь с вами на 606-ю я категорически отказываюсь, хотя за приглашение спасибо! У нас с вами разные судьбы и разная жизнь. Вы - исследователи и бродяги Космоса, и это ваша жизнь и судьба. Я - сугубо геянский человек, даже еще точнее - сугубо рустатский. И я хочу разделить с моей страной и с моей планетой их судьбы, какими бы они ни были, во весь остаток моей жизни!

Геля приподняла голову, обняла Юнга и сказала:

- Ты высказал нашу общую точку зрения!

- Я потерял бы к вам 50% уважения, если бы услышал другой ответ! - сказал Хонеб.

- А я ни секунды не сомневался в вашем ответе! - вставил я свою реплику.

- Крейсера развивают огромную скорость - сказал Хонеб - И большую часть пути нам придется проспать в специальных креслах. Иначе наши организмы не выдержат! Поэтому я хотел бы сказать, и что по моему мнению нужно, и что можно еще сделать!

- Ого! - Юнг даже приподнялся на диване, - Ты считаешь, похоже, что пошел обратный отсчет!

- Я думаю, что действовать нужно было, как у вас говорят, еще вчера, но Либрев и его приятели не будут делать вообще ничего! Но сначала я хотел бы узнать, что думаешь ты о будущем своей страны?

- После событий 53-го года...

- Поясни, я плохо о них знаю!

- В 53-м произошёл второй в послеоктябрьской истории «перехват» власти. Я вижу, ты хочешь спросить, а когда первый? Первый – в 22-м. После него у власти оказалась банда Иоста. Разрозненные кучки партийной будто бы «интеллигенции» оказались не в силах ей пртивостоять. В 53-м. Фактической власти во главе с Геомалковым и Лабрией противостояла мощная группа во главе с Нихревым, опиравшаяся на большинство партийных, военных и части полицейских чиновников. И группа Нихрева одержала победу. Народ же, как сказал великий Апушин, «в ужасе молчал», как он это делал всю свою историю. Я считаю, что в моей стране нет гражданского общества, нет Граждан, а есть только подданные. Что народ всегда будет «в ужасе молчать» или, по наущению сверху, устроит бунт «бессмысленный и беспощадный». Но следующего «перехвата» власти боки не переживут. Они передерутся между собой и это будет концом их господства над страной. И произойдёт это при следующей смене лидеров. А теперь давай прямым текстом - как ты оцениваешь обстановку в моей стране!

- Я думаю, она накануне распада! Давай конкретно рассмотрим, что происходит. Ваш павиан Либрев доживает последние дни. Я называю его павианом, потому что человеком ни по умственным способностям, ни по действиям признать его не могу. Не пойму, как ему могли позволить столько лет самодержавно управлять огромной страной и довести ее "до ручки"?! Кто может его заменить? Скорее всего - Ювландов. Он, конечно, умнее всех вместе в вашем "политрбюро", но над ним висит огромный груз "Ложбинки". Он дольше всех - 15 лет возглавлял это ведомство убийц, палачей и провокаторов. Поэтому действовать скорее всего он будет привычными методами. Не демократизировать страну, что крайне необходимо, а укреплять в ней тоталитарные порядки. Это даст возможность продержаться еще десяток лет, а потом все равно все взорвется и рухнет!

- Ты считаешь, что армия и "Ложбинка" не удержат страну?

- Фактически у вас нет армии. Давай рассмотрим этот вопрос исторически. Я изучал его специально, хотя в военные архивы меня не пустили. Однако хватило опубликованных документов и литературы. Вашу армию в Гражданскую войну создал Левт при полной поддержке Вула. Она выиграла войну и восстановила распавшееся рустатское государство. После войны армию в десять раз сократили. Под давлением «идейных» теоретических балбесов её разделили на две части – регулярную и ополченческую. Возможно сыграло роль и отсутствие средств на содержание армии большей численности. Левт не возражал – он сумел сохранить весь почти командный состав. Это была отличная армия. Главное – её командирский и сержантский состав. В ней начисто не было практически неизлечимой болезни вашей современной армии – национальной розни и дедовщины,

делающих армию небоеспособной. Взяв в свои ряды малограмотных крестьянских (особенно их) и городских паренёв, она за три года делала их гражданами. Практически армия медленно, но неуклонно повышала интеллект страны. Такая армия Иосту и бокам была не нужна, да и мешала их безраздельному господству над раздавленным народом. Потому Иост и боки в 37-38 её уничтожили.

Левт, не воспринимавший бокизм вуловского типа, гнушавшийся участвовать в партийных интригах и презиравший интриганов, должен был проиграть и проиграл власть Иосту, по приказу которого был объявлен главным интриганом, изгнан из страны и убит. Бурный поток несусветной лжи и клеветы о нём продолжается по сей день.

Армию вам воссоздать не удалось. У вас огромное количество едоков в военной форме, управляемых спившимися и коррумпированными генералами и офицерами. А настоящего комсостава у вас нет. Армия без квалифицированного командного состава ничего из себя не представляет. Великая война, в которой вы, потеряв в десять-пятнадцать раз больше врага, одержали тяжелую победу, показала необходимость квалифицированного комсостава. В войну его у вас явно недоставало, а сейчас – нет.

Всё человечество чтит и ваши жертвы и вашу победу! Потому что сломав шею нацизму, вы позволили западным странам, Юнайтсу и Апану, развить свободную экономику, в короткий срок оправиться и намного обогнать вас! В принципе - это одно из определяющих развала вашей страны., чего не понял Иост, и не понимают старцы, управляющие вашей страной. Сегодня военно-феодалная тоталитарная диктатура, а она у вас действует, не имеет права на существование и не будет существовать!

Вернёмся к армии. Посмотрим, как она действовала после войны. Оккупацию Чохии и Унгии вы считаете своей победой. Так ли? В Чохии армия получила приказ не сопротивляться и сдалась без боя. Неизвестно, что было бы, если бы прекрасно вооруженная вами же, патриотически настроенная армия маленькой страны оказала вам сопротивление? Я думаю, что вы уже тогда прекратили бы свое существование в том виде, в котором существовали. Но Чохией руководили тамошние боки и они не решились! В Унгии армия тоже ушла, не оказав сопротивления. Там поднялся народ, и вы с трудом и большой кровью добились победы. Во всех следующих боевых столкновениях, вы неизменно терпели неудачи, кроме эпизода с Чинной. Этот эпизод грозил вам тяжелейшими последствиями, но благодаря внутренним изменениям в Чине, его удалось постепенно сгладить. Но он висит над вами, как Дамоклов меч! Все старые генералы у вас выбыли из строя. Они, как я уже говорил, тоже не годились для современной войны, но они кое-что умели. Нынешние ваши генералы и офицеры не умеют ничего, кроме коррупции, воровства и поголовного пьянства. Они готовятся к позапрошлой войне, и давно готовы служить местным князькам, лишь бы те платили. Главное, - некому обучать молодежь, поступающую в командные военно-учебные заведения.

То же самое в отношении чегебушников, "Ложбинки". Они никогда не защищали свой народ. Они защищали власть, причем самыми мерзкими и отвратными способами. Ни разума, ни чести, ни совести у них нет и никогда не было. Да вы это прекрасно сами знаете. Все, что о них говорилось - возвышенные легенды. А на деле они продадут страну первыми! Я слишком много говорю, вы не устали?

- Давайте сделаем перерыв! - буквально жалобно пропищала Геля - У меня вспухла и разболелась голова. Все, что ты говоришь, мне неоднократно говорил Юнг! Но малыми дозами. А ты вывалил весь самосвал!

- Я еще не все вывалил. Три предложения и я на сегодня закончу! Из полиции у вас еще немного работает криминальная служба. Но она как работала, так и будет работать при любой власти. Остальная полиция сплошь коррумпирована, занимается взяточничеством и иногда бандитствует. Опорой государства она не послужит. Что касается суда и прокуратуры, то их у вас отродясь не было! Все остальное на "Декегале". Мы начинаем подготовку к перелету.

- Я согласна, только дайте поспать!

Через несколько часов мы перешли в крейсер, заняли свои кресла. Крейсер стартовал, а мы погрузились в сон.

На "Декегале" Юнга и Гелю поразило все. Главное, конечно, размеры и невиданная техника. На изучение корабля они потратили три дня. Свою каюту Геля просила разместить рядом с каютой Юнга, и чтобы они сообщались.

- Я волнуюсь за него и хочу иметь доступ к нему в любую минуту.

В первый же вечер я решил посмотреть, как Юнг будет укладываться в столь непривычной обстановке. Включил визор. Юнг развернул постель, разделся, сел на нее и задумался. Неожиданно вошла Геля. Она сбросила халат и села к Юнгу на колени.

- Гелинька! Милая, родная...

- Я все знаю, но я так хочу!

Геля расстегнула лифчик, а я немедленно выключил визор...

После отдыха, через несколько часов мы в приборы рассматривали систему местного светила. Похоже колоссальные расстояния потрясли Гелю. Она сказала:

- Неужели нам когда-нибудь удастся побывать на всех планетах и изучить их?

- Обязательно! - ответил я - Когда ваша наука найдет способ быстрого передвижения в космосе! Я думаю, что это произойдет не раньше, чем через век-- полтора.

Хонеб сказал:

- Вселенная необъятна! Я считаю, что наше содружество разумных планет лишь один из уголков Вселенной. У нас своя мера космических расстояний - 1 миллион световых лет. Называется "Дан". Все Галактики с планетами Разума по размерам значительно больше плоских спиральных Галактик, где такие планеты отсутствуют, и распложены они на значительном расстоянии друг от друга, Не менее 15-20 "Дан".И расстояние всех Галактик нашего сообщества не далее пятнадцати-тридцати дан от МС-Центра. И ваша Галактика, и соседняя, которую вы именуете Андромедой, находятся примерно в этих пределах. Кстати, на Андромеду отправлена экспедиция и возможно там тоже есть братья по разуму. Есть системы, мы их не наблюдаем, но наши ученые доказывают их существование. Они расположены за тысячи дан, и пока недостижимы! Возможно там тоже имеются планетные содружества нашего типа.

За ужином Юнг спросил Хонеба:

- Что ты лично думаешь о нашем ближайшем будущем?

- Откровенно?

- Обязательно!

- Я думаю, что ты прав, и следующий «перехват» приведёт к полному краху бокской системы. Думаю, что это дело ближайшего десятилетия. Прибывающая экспедиция снимет завесы тайны и система немедленно развалится вместе со страной. Рустия все равно останется самой большой и влиятельной среди бывших республик Но у меня тяжелые мысли. Я думаю, что во главе Рустии может оказаться бывший "фединец", чегебушник. Для поддержания своей власти он может сделать попытку опереться на вашу церковь. Это - самое страшное! В стране, где более 50% взрослого населения - неверующие, а из верующих треть - не иешуане, такая попытка грозит существованию страны. Ну а церковь вообще ликвидируется. Но они, к сожалению, этого не поймут! Я считаю, что сегодня высшие церковники и высшие чиновники - люди неверующие, потому что верить в сказки двухтысячелетней давности может только дурак или невежда. Как все это проявится, я не знаю. Вам нужно будет приложить все усилия, чтобы сохранить свою страну!

- Ты нарисовал печальную картину, но я думаю, что в демократической стране, а она у нас после падения боков будет, мы не допустим к высшей власти бывшего чегебушника!

- Вы разрознены, особенно интеллигенция. Ты сам сказал, что за всю историю вашей страны вы не сумели создать гражданское общество. В феврале 17-го интеллигенция уже была у власти, но позорно проиграла её в сто раз меньшим по численности, но крепко сплоченным ненавистью к вам вуловцам! Боюсь, что вы окажетесь у разбитого корыта!

- И в это время вы нас покидаете! Это плохо, плохо! Несправедливо! - Геля не плакала, но в глазах у нее стояли слезы.

Когда все разошлись, я, в своей каюте, долго не мог уснуть. Я обдумывал все, чему был свидетелем. Не знаю, что мной двигало, но я уже давно потихоньку переводил все свои записи на рустатский язык, обдумывал, как лучше перевести и переводил технические и языковые термины,

разбивал на главы (рустатский термин), названия которых выбирал из "Святого Писания", и все это записывал на рустатский пленочный аппарат. Уже под утро принял решение - допишу все, до последней возможности и отдам все записи Юнгу. Пусть он использует их, как захочет.

Проделав огромный обратный путь, погуляв еще раз на Арсе, мы, в конечном счете, вышли из нашего катера под Маквой. Наступило прощание. Я задержался и внес последние записи.

ЮНГ.

И ПОСЛЕДНЯЯ.

Сначала мы распрощались и расцеловались со всем экипажем. Габ отдал мне свой аппарат и все объяснил.

- Ты можешь использовать это как хочешь и когда захочешь! - сказал он.

Потом подошел к Геле и они, обнявшись, стояли и плакали. По настоящему! Ко мне подошел Хонеб. Мы с силой обхватили друг друга и простояли не двигаясь минут десять.

- Все, прощай! - сказал он, резко развернулся, взял под руку Габа и они вместе вошли в шлюз катера. Двери шлюза закрылись и через десять минут над нашими головами просвистела стрела.
Все!!

С тех пор прошло больше 20 лет.

Больше 15 лет я не видел Гелю. Она оборвала всякие связи со мной и я ее понимаю. Она решила создать свою семью, а я этому сильно мешал. 10 лет назад в автокатастрофе погиб Алик. Я не знаю, участвовала ли новая космическая экспедиция в событиях, происшедших в нашей стране и в мире. Ко мне никто не обращался. Да это было и невозможно: я сильно болел и с трудом возвращался к жизни. Мне почти 80 лет, в сущности я уже глубокий старик и ни на что влиять не могу. У меня прекрасные дети и взрослые внуки.

Хонеб как в воду глядел, описывая наше будущее, особенно в отношении союза государства и церкви. Несколько раз я перечитывал записи Габа и решил, если удастся, их опубликовать. Я не изменил ни слова, ни точки. Пусть читатель сам увидит, насколько инопланетянин освоил наш язык и, конечно, Священное Писание. Я не знаю, почему Габ озаглавил каждую главу цитатой из Писания, не вникал в это. Пусть читатель сам разберется.

Еще раз перечитываю всё, и сердце моё разрывается!

Что было бы, если бы Хонеб не получил приказа вернуться? Не знаю! Но думаю, что намного лучше, чем сейчас! Я всех и всё помню и до сих пор живу прошедшим.

Желаю Вам приятного чтения!

Москва, ноябрь 2001 г.